

СТАТЬИ

Ю.А. ВИНОГРАДОВ

МИГРАЦИИ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Вместо введения.

Своеобразие Северного Причерноморья в античной ойкумене

В научной литературе уже давно признано, что греческие колонии на северном берегу Черного моря существовали в весьма своеобразном этническом и культурном окружении, поскольку их соседями оказались не только племена оседлых земледельцев, но и подвижных скотоводов, кочевников (номадов). Кочевничество, как считают специалисты, возникло в степях Евразии в конце II – начале I тыс. до н.э. [Жданко, 1968, с. 275; Марков, 1973, с. 105; 1976, с. 15; 1980, с. 22; Хазанов, 1973а, с. 5; 1975, с. 10; 2002, с. 46; Бруяко, 2001, с. 12-15; ср.: Barfield, 1992, р. 28], т.е. задолго до начала греческой колонизации северного берега Понта. В.М. Массон не без основания считает, что переход к кочевому скотоводству в степях по социальной значимости сопоставим с городской революцией в зоне оседлых обществ Древнего Востока [Массон, 2003, с. 82, 94]. И это действительно так, поскольку в истории мировой цивилизации кочевым народам, включившимся в «круговорот Всемирного исторического процесса» [Гумилев, 1971, с. 269], принадлежит чрезвычайно важная роль.

Этнографы и историки определяют кочевничество, как такой тип производящей экономики, для которого характерно господство экстенсивного скотоводства с круглогодичным выпасом скота и участием в передвижениях вместе со стадами большей, или даже подавляющей, части населения [см.: Хазанов, 1975, с. 6; Плетнева, 1981, с. 50; Чебоксаров, Чебоксарова, 1985, с. 206-207; Barfield, 1992, р. 20 ff.]. Принято считать, что из древнегреческих авторов на номадов обратил внимание уже Гомер, написавший в «Илиаде», как Зевс увидел

«... дивных мужей гиппемологов

Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших
смертных»

[Ном. II. XIII. 5-6; перев. Н.И. Гнедича].

Классическое описание особенностей жизнедеятельности кочевников оставил Геродот. По его словам, скифы-кочевники «не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота»

Виноградов Ю.А. Миграции кочевников Евразии...

[Herod. IV. 46. 3; перев. В.А. Шишовой]. С некоторыми изменениями этот пассаж повторен в другой части труда Отца истории, касающейся событий войны скифов с персами. Когда Дарий обратился к скифскому царю Иданфирсу с вопросом, почему тот отступает и не пытается сразиться с персидскими войсками, тот ответил, что и раньше никогда не убегал из страха, и сейчас не бежит от персов; «ныне я не сделал ничего нового сравнительно с тем, что обыкновенно делают в мирное время; а почему я не тороплюсь сразиться с тобою, я и это тебе объясню: у нас нет ни городов, ни засеянной земли, из-за которой мы поспешили бы драться с вами из боязни, чтобы они не были взяты или опустошены» [Herod. IV. 127; перев. В.В. Латышева]. Из сказанного нетрудно понять, что Иданфирс попытался убедить Дария в том, что скифское отступление являлось совсем не отступлением, а чем-то вроде обычного для кочевников передвижения к новым пастбищам.

Действительно, именно эти передвижения представляют собой одну из важных особенностей экономической системы номадизма. Кочевники, передвигавшиеся вместе со своими стадами по бескрайним степям, для древних греков представлялись народами загадочными и в немалой степени опасными. Чисто экономическим своеобразием дело, конечно, не ограничивалось, и для кочевников был присущ особый, резко отличный от земледельческого, образ жизни, характер материальной и духовной культуры, общественный строй и т.д. Это были племенные объединения, идеальный лидер которых являлся благословленным небесами героическим воином с его удачей и харизмой, щедро одаривающим своих последователей различными благами [Barfield, 1992, p. 3]. Для греков времени колонизации все эти традиционные ценности мира номадов, конечно, были необычными, чуждыми, возможно, даже враждебными. Тем не менее эллинам с такими народами на протяжении многих веков приходилось не просто жить рядом, но и пытаться наладить более-менее нормальные взаимоотношения [Андреев, 1996, с. 7; Андреев, Марченко, 2005, с. 403].

Влияние такого своеобразного окружения на исторические судьбы северопричерноморских апойкий, как можно полагать, было весьма существенным. Развитие этих взаимоотношений, само по себе очень непростое, в значительной степени осложнялось тем, что для степей Северного Причерноморья характерна периодическая смена кочевнических этносов. Приблизительно один раз в 200-300 лет по степному коридору из глубин Азии на запад устремлялись новые и новые кочевые народы, миграции которых кардинальным образом меняли этническую и военно-политическую обстановку в регионе. Древние греки, как представляется, воспринимали пришельцев из глубин Азии, по крайней мере на начальном этапе их передвижений, чуть ли не как выходцев с «того света». В какой-то мере их мироощущение в этом отношении можно уподобить взглядам населения раннесредневековой Европы, для которого вторжения варваров (венгров, норманнов, арабов и др.) казались предвестниками прихода Антихриста [Дюби, 1994, с. 13]. По той же самой причине татаро-монголы в Запад-

ной Европе поначалу осмысливались как выходы из Тартара, т.е. из преисподней [Дробинский, 1948, с. 126; Матузов, 1979, с. 137, 148, 151, 157, 207].

В.В. Латышев еще в конце XIX в. прекрасно понимал сопричастность судеб греческих колоний Северного Причерноморья к этим ритмам Евразии. Он отмечал, что периодически возникавшая враждебность варваров по отношению к греческим колониям обыкновенно была следствием передвижений народных масс, пришельцы оттесняли дружественных соседей греков и либо совершали хищнические набеги на эллинские поселения, либо «под страхом таких нападений вымогали с них ежегодную дань» [Латышев, 1897, с. 13]. Сходную мысль хорошо выразил М.И. Ростовцев, указывая, что степи Северного Причерноморья служили широко открытой дорогой, по которой передвигались крупные массы населения с востока на запад и с запада на восток. На этой дороге периодически возникали варварские этно-политические образования, существовавшие иногда на протяжении нескольких веков, но они не были прочными и, как правило, рушились под натиском новых волн миграций кочевников с востока [Ростовцев, 1918, с. 4-6; Rostovtzeff, 1922, pp. 8-9].

Динамичный мир евразийских степей, связанный с периодическими продвижениями с востока на запад новых и новых кочевнических народов, вызываемая этим смена этносов и культур, создавали, как справедливо считал В.Д. Блаватский, «своеобразные условия существования северопричерноморских полисов в отличие от окраинных греческих государств в Сицилии, Великой Греции, Фракии и т.д.» [Блаватский, 1960, с. 78]. Там, как известно, древние греки столкнулись с намного более стабильным миром оседлых, земледельческих племен. Е.С. Голубцова и Г.А. Кошеленко также подчеркивали, что тип взаимоотношений греческих колонистов с кочевниками был иным, нежели с земледельцами, при этом движения кочевников «неоднократно меняли этническую и политическую ситуацию в Причерноморье, разрушали сложившиеся системы контактов как внутри мира местных племен, так и между ними и греками» [Голубцова, Кошеленко, 1980, с. 2].

Ситуацию, существовавшую в Северном Причерноморье, разумеется, нельзя считать абсолютно уникальной для античной ойкумены. Всем известно, что греки-колонисты столкнулись с кочевыми народами также и в Северной Африке. В.П. Яйленко попытался даже сопоставить особенности развития греческих апоекий Северного Причерноморья, в частности, Боспора и Кирены (Северная Африка), объясняя определенные черты сходства в их пространственной организации воздействием кочевнического фактора [Яйленко, 1983, с. 135, но ср. с. 140]. С ним в этом солидарен И.М. Безрученко [1999, с. 131]. Действительно, соседями греческих переселенцев в Северной Африке оказались племена кочевников, и сопоставление этих двух регионов с теоретической точки зрения абсолютно оправданно. Правда, ситуация в поясе Евразийских степей, как представляется, была значительно сложнее по причине периодических продвижений на запад новых и новых этносов, о чем уже частично было сказано и о чем подробнее речь пойдет ниже. Северная Африка

таких кардинальных этнических перемен была лишена, вероятно, вплоть до арабских завоеваний.

Из сказанного нетрудно понять, что важная роль кочевых народов в истории греческих государств северного Понта признается всеми исследователями. Однако, как показывает практика, общепризнанность, общеизвестность какого-то факта в научной литературе совсем не означает его всесторонней изученности. По моему глубокому убеждению, влияние номадов на исторические судьбы греческих колоний региона может быть адекватно понято только в том случае, когда наше антиковедение сумеет избавиться от традиционного недостатка, связанного с использованием археологических данных как сугубо иллюстративных или, в лучшем случае, дополнительных материалов к сведениям, известным из письменной традиции [Геннинг, 1982, с. 65; ср.: Cunliffe, 1988, р. 1]. Недооценка информативных возможностей «молчаливой» археологии, безусловно, снижает надежность исторических интерпретаций многих современных исследователей. Столь же традиционным в антиковедческой литературе можно признать невнимание к теоретическим и этнографическим разработкам. В частности, здесь даже не утвердилось понятие хозяйственно-культурного типа, одно из важнейших в современной этнографии [Левин, Чебоксаров, 1955; Чебоксаров, Чебоксарова, 1985, с. 177 сл.]. Его игнорирование не позволяет в должной мере оценить своеобразие связей эллинов с земледельческими племенами, с одной стороны, и кочевыми, с другой. Складывается впечатление, что многих исследователей до сих пор вполне удовлетворяет довольно наивная точка зрения И.Я. Златкина, высказанная им более 50 лет назад. Она сводится к тому, что различия между кочевыми скотоводами и оседлыми земледельцами не так глубоки, поскольку и у земледельцев имелся домашний скот. Различия между двумя обществами, по его мнению, можно проследить лишь в количестве и площади пастбищ [Златкин, 1955, с. 74]. В действительности же кочевники-скотоводы и оседлые земледельцы относятся к особым хозяйственно-культурным типам, различающимся способом ведения хозяйства; по образному выражению Л.Н. Гумилева, «земледельцы организуют флору той территории, которая их кормит, а кочевники – фауну» [Гумилев, 1968, с. 268]. Кроме того, эти общества различаются социальной структурой, образом жизни, особенностями материальной и духовной культуры и т.д. Разумеется, между ними нельзя проводить пропасти, но затушевывание различий также абсолютно недопустимо.

Что касается изучения кочевников Евразии, то в этой области знания этнографическая наука накопила очень большой опыт, при этом именно отечественной этнографии принадлежит здесь ведущая роль [Златкин, 1971; Бромлей, 1981, с. 132 сл.; Васютин, Крадин, Тишкин, 2005, с. 10.; ср.: Lattimor, 1962, р. 146]. Этот богатейший опыт, безусловно, должен быть использован для реконструкции процесса исторического развития древнегреческих государств Северного Причерноморья, в особенности Боспора, поскольку в их ряду тот лежал первым на пути передвижений кочевников с востока.

Принято считать, что варварские влияния проявились в наиболее рельефном, концентрированном виде именно на Боспоре, и это положение, в общем, невозможно оспаривать. Есть основания полагать, что такой вектор развития в немалой степени был стимулирован обозначенным фактором, но подробней об этом речь пойдет ниже.

1. Эллины и варвары. Проблемы сосуществования

Временно отвлекаясь от истории греческих колоний Северного Причерноморья и развития греко-варварских взаимоотношений в этом регионе, необходимо заметить, что само слово «варвар» вошло в современные языки именно из древнегреческого (βάρβαρος), хотя понятия «варвар» и «варварство» появились гораздо раньше, с возникновением первых цивилизаций на Древнем Востоке, тогда же возникло и противопоставление «цивилизация»–«варварство» [Джоунс, 1987, с. 156]¹. Принадлежность к «варварам» определялась не какими-то расовыми особенностями, а, скорее, образом жизни, при этом для большей части Евразийского континента концентрированным выражением такого понимания стали как раз кочевники Центральной Азии [ср.: Бруйко, 2001, с. 12-15; Массон, 2001, с. 34-36]. Понятно, что вторжения этих народов были очень опасны для цивилизованного мира, в самом слове «варвар», как казалось, была скрыта немалая угроза. Совсем не удивительно, что у защитников цивилизации на такой почве сложилось предвзятое, высокомерное отношение к культурам «дикарей», отличие которых от культур цивилизованных государств стало считаться абсолютным. Борьба против «варварства» даже была декларирована как одна из задач, стоящих перед «цивилизацией».

Вернемся, однако, к Древней Греции, которая, как говорилось, подарила миру слово «варвар». В связи с этим зададимся вопросом, соответствовало ли его значение привычному для нас пониманию – «враг цивилизации» или же оно означало нечто иное? Страбон предложил, на мой взгляд, вполне приемлемую концепцию происхождения термина «варвар». По его мнению, это слово возникло в силу подражания грубому для греческого уха произношению иноземцев, и лишь позднее стало названием всех негреческих народов [Strab. VII. 4, 6]. Иными словами, для греков варварами были все другие народы вне зависимости от их экономического, социально-политического или культурного развития, к примеру, это были и кочевники-арабы, и кельты, населявшие в то время бескрайние пространства европейских лесов, и египтяне, создавшие грандиозную цивилизацию, перед которой греки не скрывали своего восхищения. Любопытно, но Гомер в своих поэмах ни разу не употребил этого

---

¹ Следует отметить, что некоторые исследователи выводят это слово из удвоенного шумерского *bar*, означавшего «наружный», «внешний» с вероятным дополнительным значением «чужой», «иностранный» [см.: Potts, 1983, p. 127].

термина, хотя и сказал о карийцах, как о «говорящих наречием варварским» [II. II. 867; перев. Н.И. Гнедича]. Историк Фукидид посчитал, что это произошло «оттого, что эллины тогда еще не отделились от них (варваров – Ю.В.) и не объединились под одним именем» [Thuk. I. 3, 3; перев. Г.А. Стратановского и др.]. Такая трактовка представляется весьма странной, поскольку трудно понять, каким образом могло существовать «варварское наречие» без наличия самих «варваров». Еще более удивительно, что все древнегреческие авторы до 480 г. до н.э. употребили этот термин не более пяти раз [Turpin, 1999, p. 54].

Надо признать, что древние греки оценивали варваров совсем не однозначно и часто не вкладывали в это слово того негативного смысла, которое оно имеет в современной нам культуре. Известно, что Геродот достаточно взвешенно оценивал достоинства и недостатки негреческих народов. Описывая на страницах своей «Истории» начальный период Греко-персидских войн, он неоднократно с похвалой отзывался о многих варварских народах и даже о персах, к примеру, высоко оценил персидскую систему воспитания детей [Herod. I. 137]. Такая симпатия по отношению к персам (мидянам) в Древней Греции называлась μηδισμός [Доватур, 1957, с. 81]. Во вступлении к «Истории» Геродот, как известно, даже отметил, что его произведение написано для того, чтобы «великие и удивления достойные дела как эллинов, так и варваров (выделно мною – Ю.В.) не остались в безвестности» [Herod. I; перев. Г.А. Стратановского].

Более того, уже у Гомера, т.е. задолго до Геродота, можно найти корни «идеализирующей» традиции в освещении жизни негреческих народов, в частности это относится к приведенному выше его пассажи о справедливейших среди смертных – млекоедах и доителях кобылиц [II. XIII. 6-7], коими, как было сказано, вероятнее всего, являлись кочевники. В эпоху эллинизма, когда греческая цивилизация отчетливо почувствовала симптомы приближающегося кризиса, «идеализирующая» традиция получила новый импульс для развития в литературе и историографии. В соответствии с ней варвары рисовались свободными и счастливыми скотоводами и земледельцами, живущими в гармонии с природой, противопоставляясь при этом грекам, то есть людям городской цивилизации, погруженной во всевозможных пороках – лени, сутяжничестве, стяжательстве и т.д. Основоположником такой традиции, как считается, стал историк Эфор, взгляды которого нашли заметный отзвук как в современной ему, так и более поздней литературе [Ростовцев, 1925, с. 6, 88-90; Широкова, 1979, с. 124-138].

В древнегреческой литературе, однако, прекрасно известна и совсем иная традиция, в отношении которой приведу лишь некоторые примеры. Взгляд Платона на проблему греко-варварских взаимоотношений сводится к тому, что греки и варвары – враги по природе [Plato. Republ. 470 с]. Эврипид в трагедии «Ифигения в Авлиде» трактовал эту проблему несколько иначе, указывая на то, что грекам прилично властвовать над варварами [Eurip. Iphig. 1400–1401]. Его полностью поддержал Аристотель, подведя под эту концепцию научную базу: «Так как по своим природным свой-

ствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство, нежели эллины, то они и подчиняются деспотической власти, не обнаруживая при этом никаких признаков неудовольствия» [Arist. Polit. 1285a 20-24; перев. С.А. Жебелева]. Более кратко эту мысль он выразил словами – «варвар и раб по природе своей понятия тождественные» [Ibid. 1252b 9]. По свидетельству Диогена Лаэртского известно также, что один из знаменитейших мудрецов (Фалес или Сократ) был благодарен судьбе за три вещи: «во-первых, что он человек, а не животное; во-вторых, что он мужчина, а не женщина; в-третьих, что он эллин, а не варвар» [Diog. Laert. I. 33; перев. М.А. Гаспарова]. Геродот, который, как было сказано выше, пытался проявить объективность во взглядах на негреческий мир, был обвинен в легковерной болтливости и сознательной лжи [Мищенко, 1888, с. IV-V; Pearson, 1959, p. 275]. Плутарх даже написал по этому поводу целый трактат «О злокозненности Геродота» [Plut. Moral. 854e-874c], в котором Отец истории наряду с прочим обвинялся в излишних симпатиях к варварам (мидянам) и нелояльности по отношению к эллинской цивилизации [Plut. Moral. 857a], т.е. в том самом *μηδισμός* [Борухович, 1972, с. 494-498].

Стереотип восприятия варваров как грубых, распущенных, деспотичных, рабских, коррумпированных и т.п. [Coleman, 1997, p. 200], как видим, активным образом насаждался некоторыми виднейшими деятелями греческой культуры и науки. Все приведенные выше высказывания позволяют в полной мере убедиться в существовании, так сказать, греческого этноцентризма, если не сказать большего. Л.П. Маринович в отношении этого явления предпочитает такие определения, как «шовинизм» и «ксенофобия» [Маринович, 2006, с. 11]. Многочисленные и разнообразные связи с иноземцами, как будто, совсем не мешали распространению подобных представлений, а, вероятно, в чем-то даже стимулировали их. Следует оговориться, правда, что такая крайняя точка зрения, скорее всего, сложилась лишь в начале V в. до н.э. в результате событий Греко-персидских войн, создания Делосского (Афинского) морского союза, в котором афиняне пытались осуществить свою гегемонию, активным образом противопоставляя мир эллинский и мир варварский. В известном смысле есть резон в утверждении, что именно афиняне, разыгрывавшие тогда свой политический пасьянс, «изобрели варваров» [см.: Hall, 1989; 1995, p. 108; Coleman, 1997; ср. Маринович, 2006, с. 11].

Этот этноцентризм, однако, совсем не был результатом развития в Древней Греции каких-то расистских идей [Tuplin, 1999; Маринович, 2006, с. 11]. Таких здесь не существовало никогда! Свое физическое и умственное превосходство греки объясняли климатическими условиями Эллады и, в целом, благоприятной средой обитания. По мысли Аристотеля, в холодной Европе обитают люди мужественные, но не наделенные умом, а в жаркой Азии – обладающие умом, но лишенные мужества. «Эллинский же род, занимая как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он

II. Феноменальность Евразийских степей

II.1. Восток и запад степного коридора. Сходство в различии

Великая Евразийская степь, протянувшаяся от границы Монголии с Китаем на востоке до венгерской равнины на западе или, другими словами, от Хингана до Карпат, несмотря на разнообразие населяющих ее народов в этническом и языковом отношении, представляет собой некое единство. Кочевники и на востоке, и на западе демонстрируют немало сходных или даже очень близких явлений в культуре и, вообще, в способе своей жизнедеятельности. При чтении китайских хроник, в которых содержатся описания быта хуннов, их контактов с великой империей и пр., порой невольно возникает удивление, насколько эти описания схожи с картиной жизни скифов, обрисованной Геродотом несколькими веками ранее. В принципе, можно считать, что за долгую историю взаимоотношений кочевников с оседлыми земледельческими народами и государствами выработались сходные механизмы их реализации, которые, несмотря на известные территориальные или хронологические различия, в конце концов, приводили к близким результатам.

Для того, чтобы нагляднее объяснить сказанное, вполне логично, на мой взгляд, обратиться к существующим сейчас научным концепциям, трактующим основные закономерности контактов кочевников с оседлыми цивилизациями в двух противоположных концах степей Евразии, т.е. на границах с Китаем с одной стороны, и в Северном Причерноморье – с другой. Конечно, на получение тождественности реконструкций надеяться никак не приходится хотя бы по той причине, что на востоке кочевники соседствовали с одной из величайших земледельческих цивилизаций Древнего Мира, обладающей огромными экономическими, демографическими и военными ресурсами, а на западе цивилизация была представлена сравнительно небольшими греческими государствами: Боспор, Херсонес Таврический, Ольвия и некоторые другие, еще более мелкие. Несмотря на обозначенное весьма существенное различие, история взаимоотношений кочевников с оседлыми цивилизациями в обоих случаях демонстрирует ряд в высшей степени важных и схожих явлений [Lattimore, 1962, p. 25, 148, 504].

Л.Н. Гумилев в свое время заметил, что «победы кочевников сменялись поражениями, подъемы культуры и экономики – упадками, и вообще история кочевых народов была не менее богатой коллизиями, чем история их оседлых соседей» [Гумилев, 1972, с. 45]. С этим заключением, разумеется, невозможно поспорить, однако современные исследования демонстрируют гораздо более любопытную и показательную картину. Что касается античного Северного Причерноморья, то М.И. Ростовцев уже более 90 лет назад обратил внимание, что в истории этого региона можно выделить периоды яркого экономического и культурного развития, проявлявшиеся одновременно и в греческих государствах, и на территориях местных варварских племен

федерации степных племен, возникали лишь тогда, когда имелась возможность поддерживать связь с китайской экономикой, когда посредством набегов или специальных договоров номады получали от южных соседей всевозможные платежи. Такие платежи, жизненно необходимые для поддержания «теневого» степной империи, мог предоставить только единый, централизованный и, в общем, процветающий Китай.

Император Китая, конечно, мог организовать масштабную военную акцию против кочевников и примерно наказать беспокойных соседей, но такая акция, во-первых, совсем не гарантировала успеха, а, во-вторых, стоила огромных затрат. Альтернативное направление китайской политики по отношению к кочевникам очень хорошо выразил историк Оуян Сю, писавший, что «нельзя упускать возможности *держат варваров на привязи* (выделено мною – Ю.В.) и случаев проявления к ним милости и величия» [Материалы по истории, 1984, с. 185; перев. В.С. Таскина]. Он продолжал также: «Подчинение варваров не всегда приносит пользу, но утрата их может привести к тому, что они станут источником бедствий...» [Там же]. Император Сяо-чжун (528 г.) заметил, что для удержания кочевников в повиновении Поднебесная располагает немалыми средствами, при этом «для совершивших крупные подвиги существуют щедрые награды, для проявивших высокие добродетели имеются блестящие титулы» [Материалы по истории, 1984, с. 288; перев. В.С. Таскина].

В общем, для того, чтобы «не утерять варваров», а «держать их на привязи», империи было выгодней не вести с ними боевые действия, а платить вождям номадов, пытаясь направить политику контролировавшихся теми объединений в сравнительно безопасное для Китая русло [ср.: Бернштам, 1951, с. 40]. Китайские хроники буквально пестрят описаниями всякого рода даров, направляемых из империи в степь, в их списке представлены: хлеб, вино, деликатесы, шелковые ткани, украшения из золота и нефрита, дорогая посуда, оружие и т.д. [см.: Бичурин, 1950а, с. 52, 59, 60, 69, 76, 89-90, 97, 101, 118-119, 123 и др.; Материалы по истории, 1984, с. 283]. От китайского двора в степь посылались даже принцессы, предназначенные в жены вождям кочевнических объединений [см.: Бичурин, 1950а, с. 52, 69, 76; 1950б, с. 157; Материалы по истории, 1984, с. 288]. Мир для Китая, как можно видеть, стоил очень дорого, но война могла обойтись еще дороже.

Предводитель номадов, к примеру, шаньюй хуннов, получив столь большие дары от Китая, немалую их долю оставлял в своем распоряжении, но, естественно, был обязан делиться со своими приближенными, те в свою очередь – с собственными вассалами и т.д. Только с помощью постоянно функционирующего механизма перераспределения китайских даров можно было сохранить единство степи. Существование кочевой империи, таким образом, поддерживалось совсем не трудом скотоводов-кочевников, а откровенной эксплуатацией китайской экономики. Падение династии в Китае являлось не только причиной политической анархии в стране, но одновременно и фатальным ударом

нако, другим вопросом – применима ли концепция «теневых» империй к истории античного Северного Причерноморья? Казалось бы, это вполне возможно, поскольку, как было сказано выше, и в этом регионе в истории развития мира цивилизации (греческих государств) и мира варваров (прежде всего, кочевых народов), можно наблюдать известную синхронность и однонаправленность процессов роста и упадка. Тем не менее в данном случае ответ на поставленный вопрос, вероятнее всего, должен быть отрицательным.

Концепция «теневых» империй к истории Северного Причерноморья, по всей видимости, неприменима или же применима лишь в ограниченной степени. Такое положение следует связывать, во-первых, с тем бесспорным фактом, что экономический потенциал греческих государств региона был несопоставим с китайским и вряд ли мог стать надежной базой для сложения и долговременного существования соседних, по существу, паразитических кочевых империй. Конечно, не может быть сомнения в том, что эллины вынуждены были платить предводителям номадов определенную дань, возможно, в форме подарков. Более того, значительная часть дорогих предметов торевтики, присходящих из курганов варварской элиты степей Северного Причерноморья, по всей видимости, никогда не вовлекалась в торговый обмен, а являлась дипломатическими дарами. Почти нет сомнения, что эллины, подобно китайцам, «покупали» себе мир у кочевников, но в отличие от китайцев цена им могла быть назначена сравнительно скромная.

Во-вторых, трудно представить, чтобы в истории Ольвии, Херсонеса Таврического или Боспора подобно Поднебесной были моменты крушения политической власти, разгула сепаратизма и анархии. В этих маленьких государствах кризисные периоды периодически случались, но масштабные дезорганизации, сопоставимые с последствиями падения династии в Китае, здесь вряд ли могли иметь место.

В-третьих, есть все основания считать, что периоды расцвета в истории Северного Причерноморья сменялись периодами упадка совсем не по причине дезинтеграции в мире цивилизации, как это имело место на границах с Китаем. Основная причина здесь, как можно полагать, находится в плоскости дестабилизации военно-политической обстановки в регионе, вызванной продвижением на запад из глубин Азии новых кочевнических этносов. Дестабилизация в степях северного берега Понта, как правило, самым пагубным образом отражалась на сопредельных территориях, в том числе и в греческих государствах региона, но об этом подробнее речь пойдет ниже.

В-четвертых, в Северном Причерноморье имеется еще один (третий) немаловажный элемент системы политических, экономических и культурных взаимодействий. Первые два уже были названы, это греческие государства и кочевники; третий элемент создавали оседлые и полuosедлые земледельческие племена, населявшие лесотепи Северного Причерноморья и области Прикубанья [Виноградов, Марченко, 1991, с. 146; 2005, с. 28]. Влияние этого

фактора на развитие греко-варварских взаимоотношений и, в общем, на общий баланс сил в регионе, конечно, нельзя недооценивать.

О. Латтимор, сопоставляя степи Северного Причерноморья и Центральной Азии, отмечал существование здесь двух различных исторических моделей, подразумевая под этим местную этнокультурную и социокультурную специфику [Lattimore, 1962, p. 152]. Продолжая это сопоставление в плоскости изучения процессов синхронного роста и упадка, имевших место на востоке и западе великого пояса степей, можно признать, что при очевидном сходстве они все-таки в немалой степени различны, поскольку определялись различными причинами. Очень кратко это различие можно определить следующим образом: на востоке все зависело от положения в Китае, а на западе – от ситуации в степях. Вполне возможно, что на всем протяжении пояса Евразийских степей при специальном изучении взаимодействий номадов с цивилизованными странами будут открыты какие-то модификации двух обозначенных моделей, условно называемых нами китайской и северопричерноморской, но это дело будущего.

II.2. Кочевые империи

Обсуждение концепции Т. Барфилда о существовании на границах Китая «теневых» кочевнических империй заставляет обратиться к более подробному рассмотрению самого феномена кочевнических (кочевых) империй и шире – кочевнической государственности. В связи с этим следует подчеркнуть, что одной из важнейших закономерностей истории Евразийских степей, безусловно, является периодическое возникновение здесь грозных военных объединений номадов, подчинявших себе огромные пространства, населенные как кочевыми, так и оседлыми народами. В их числе можно назвать Великую Скифию, Гуннскую империю, Хазарский каганат, Монгольскую империю и некоторые другие. В отечественной литературе, по большей мере относящейся к советскому периоду, основное внимание концентрировалось на недолговечности этих образований, которые быстро распадались на составные части под действием центробежных сил, исчезали с политической арены в результате внутренних усобиц или под ударами других кочевнических орд [Артамонов, 1977, с. 13; Марков, 1976, с. 312; Плетнева, 1981, с. 55; 1982, с. 41, 47]. В последние годы в изучении кочевых империй имеется немало серьезных достижений, общий прогресс наших знаний позволяет взглянуть на проблему в несколько ином ракурсе.

Начать следует с того, что кочевники сами по себе, внутри своего общества, создать государство не могли, они в нем просто не нуждались [Крадин, 1995б, с. 55-56; 2001, с. 23; Хазанов, 2002, с. 48]². Эту мысль еще в конце XIX в.

---

² У любого правила, естественно, имеются исключения. Так, трудно сомневаться, что у монголов государство существовало, начиная с Чингис-Хана [Сандаг, 1977; Таскин, 1984, с. 31; Крадин, 1995б, с. 50, 61-62].

прекрасно выразил В.В. Радлов, писавший о тюркоязычных кочевниках Сибири, что звание хана у них не давало его обладателю реальной власти над своими подданными. Далее приведу цитату: «Вообще звание хана имело значение лишь до тех пор, пока отдельные роды и племена получали прямую выгоду от военных походов хана, захватывая хорошие зимние стойбища или военную добычу, или, с другой стороны, пока власть хана гарантировала им защиту от нападений вражеских отрядов и обеспечивала сохранность их имущества. Пока эта выгода была очевидной, они мирились с необходимостью подчиняться чужому приказу и нести расходы по содержанию хана. Если же это больше не сулило народу выгод, племена, роды и родовые подразделения тотчас же распадались на отдельные группы, стремившиеся кочевать и содержать свой скот независимо друг от друга. Однако любая угроза извне немедленно вызывала к жизни новый конгломерат племен, который, по-видимому, больше всего соответствовал таким периодически возникавшим обстоятельствам» [Радлов, 1998, с. 340]. В общем, следует признать, что для кочевых народов устойчивые формы административного управления, по большей мере, оставались совершенно невозможными. Н.А. Масанов в этом отношении справедливо указывает, что верхние ступени социальной организации кочевников Евразии отличались наименьшей устойчивостью и «нередко носили аморфный и незавершенный характер» [Масанов, 1985, с. 26].

Главным богатством кочевников, как хорошо известно, является скот, но это «четвероногое богатство», как его назвал Л.Н. Гумилев [1972, с. 50], весьма специфично. Скот – это не зерно [Barfield, 2001, p. 15], данный прибавочный продукт невозможно накапливать практически до бесконечности, что, в принципе, допустимо с зерном в земледельческих обществах. К тому же после самых благоприятных для скотовода лет в климатическом отношении, могут наступить неблагоприятные времена, грозящие полной потерей стад [Крадин, 2001, с. 23; 2002, с. 112]. Материальная база для создания прочной системы классового подчинения, как видим, в этом мире была очень ненадежной. Хорошо известно также, что кочевника очень трудно заставить подчиняться насилию, платить налоги и т.д., в ответ на притеснение он может просто откочевать на другую территорию [Крадин, 2001, с. 23; 2002, с. 120; Barfield, 2001, p. 15]. Альтернативную точку зрения лучше всех из современных исследователей выразил Е.И. Кычанов, по мнению которого, государство у кочевников было результатом «сословно-классового расслоения кочевых обществ, не только орудием обороны и ограбления соседей, но и той формой организации общества, которая позволяла аристократии и зажиточной части лично свободных людей осуществлять свою власть, свой контроль и влияние для того, чтобы эксплуатировать своих неимущих и малоимущих соплеменников и рабов» [Кычанов, 1997, с. 273]. Однако вооруженный кочевник, как удачно заметил Н.Н. Крадин, «не очень удобный объект для эксплуатации» [Крадин, 2001, с. 26].

Только в очень редких случаях, как признает А.М. Хазанов, кочевническое государство могло возникнуть без завоевания и подчинения оседлого населения, но без таких завоеваний оно являлось не более, чем недолгоживущим историческим эпизодом [Khazanov, 1984, p. 295; см. также: Лашук, 1967а, с. 34; 1967б, с. 115; Хазанов, 1973б, с. 9]. Т. Барфилд, возражая ему, заметил, что такие государства все-таки имелись, и они были совсем не «однодневками». По его мнению, кочевники создали особый тип государства, нацеленного на эффективное взаимодействие с более крупными и в социально-экономическом отношении более высокоорганизованными соседями, прежде всего, земледельцами. Этот тип государства соединяет в себе и государственную, и племенную иерархию, при этом каждая из них служит выполнению особых функций: государственная нацелена на внешнюю политику, ведение войн и пр., а племенная сосредоточена на внутренней жизни общества. Понятно, что такое понимание кочевнической государственности самым тесным образом связано с концепцией «теневых империй», о которой речь шла выше. В рамках империи племенная система была редуцирована до исполнения внутренних дел, но в случае крушения всей этой структуры она получала свободу, и степь погружалась в пучину анархии [Barfield, 1992, p. 7-8].

Кратко резюмируя эту дискуссию, можно признать, что подчинение земледельцев или выгодное соседство с ними делало кочевнические государства более прочными и устойчивыми. С другой стороны, в научной и популярной литературе многократно повторялась мудрая сентенция, приписываемая киданьскому чиновнику Елюй Чу-цаю, которую тот высказал Великому монгольскому хану. Она сводится к тому, что земледельческое государство можно завоевать сидя на коне, но управлять им с коня невозможно [см.: Мункуев, 1965, с. 19; Хазанов, 1973б, с. 12; Крадин, 1995а, с. 167; Lattimore, 1962, p. 508]. Кочевники, конечно, не «заимствовали» государство, но для эффективного управления завоеванными территориями вынуждены были использовать опыт побежденных, местную администрацию и т.д.

Вполне логичной представляется точка зрения, что кочевнический этнос в рамках такого политического организма превращался в господствующий этнос-класс [Крадин, 2001, с. 27]³. Еще раз можно повторить, что государства, созданные номадами, чаще всего выступали таковыми лишь во внешних проявлениях. Внутри же они базировались на прежних племенных связях, власть правителя при этом основывалась не на легитимном насилии, а на умении организовывать военные походы и перераспределять полученные таким образом доходы, равно как и доходы от взимания дани или торговли, среди своих соплеменников [Бондаренко, Коротаев, Крадин, 2002, с. 21].

---

³ В отличие от этого, представление о трансформации кочевнического этноса в государство, высказанное Н.Н. Крадиным [2001, с. 24], выглядит весьма и весьма спорным.

Широко бытующее в современной исторической науке понятие «кочевая империя» самым тесным образом связано со сказанным выше. Это были «имперские конфедерации», выступавшие как автократические и централизованные объединения во внешней политике, но по своей внутренней сущности являвшиеся консультативными и гетерогенными [Barfield, 1992, p. 8; Барфилд, 2002, с. 74; ср.: Марков, 1980, с. 29; Крадин, 2002, с. 114-115]. С.Г. Кляшторный и Д.Г. Савинов отмечают, что понятие степных или кочевых империй распространяется «только на политические образования, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателя империи» [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 6]. Завоевательный импульс во время создания империи, как правильно отмечают авторы, был направлен не столько на расширение пастбищных территорий, сколько на подчинение территорий с иными хозяйственно-культурными типами. Столь же справедливо их заключение, что государства, созданные кочевниками, можно именовать империями не на стадии консолидации племен под властью одного племени и одного вождя, а на стадии установления даннической зависимости или формы непосредственного политического подчинения областей и государств с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 7]. В общем, кочевые империи, не обладавшие ни регулярной армией, ни административным аппаратом, осуществлявшим власть в отношении самих кочевников, но, вместе с тем, хорошо организованные и сильные в отношениях с соседями или с завоеванными народами, представляли собой весьма специфическую форму политической централизации [Марков, 1982, с. 82].

В сходном ключе этот феномен трактует Н.Н. Крадин. Он рассматривает кочевые империи как мощные военно-политические структуры для отношений с крупными оседло-земледельческими цивилизациями [Крадин, 1991, с. 107; 1992, с. 309], как тип социального организма, основанного на внешнеэксплуататорской деятельности [Крадин, 1993, с. 198]. Империи, по его мнению, представляли собой сложные общественные системы, занимавшие обширные территории; все они состояли из «кочевого ядра», имевшего военно-иерархическую организацию, и из зависимых, эксплуатируемых областей, занятых чаще всего земледельческими народами [Крадин, 1995а, с. 175]. Если суммировать все сказанное выше, то кочевая империя представляется Н.Н. Крадину как «кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и эксплуатирующее соседние территории, как правило, посредством внешних форм эксплуатации» [Крадин, 2001, с. 21-22]. Эти внешние формы эксплуатации могут выражаться в откровенных грабежах, периодических набегах, вымогательстве «подарков», наложении дани и т.д. [Крадин, 1991, с. 310; 1992, с. 169-170; 1995, с. 175].

некоторые из которых в силу масштабности и исторической роли можно признать империями [см.: Khazanov, 1984, p. 231 ff.; Васютин, 2002, с. 94-96].

В исторической перспективе периферия кочевой империи неизбежно развивалась быстрее центра, и в конечном итоге это вело к крушению империи под действием центробежных сил [Буровский, 1995, с. 160]. Большинство кочевых империй просуществовало не более 100–150 лет, но, как стали считать современные исследователи, такова судьба всех империй, которым имманентно присуща недолгая история [Буровский, 1995, с. 162; Крадин, 2001, с. 31]. Кочевые империи на обрисованном ими общем фоне, как будто, даже выглядят несколько предпочтительней, а господствовавшие в них династии – более стабильными. Т. Барфилд обратил внимание, что потомки Модэ, основателя гуннской империи, правили степью 600 лет, а потомки Чингис-Хана – около 700 [Barfield, 1992, p. 28; Барфилд, 2002, с. 70]. Все это отчасти так, если их сравнивать с империями Карла Великого, Наполеона или Третьим рейхом, которые можно рассматривать как своего рода «империи ностальгии» [ср.: Barfield, 2001, p. 39]. Если же обратиться к истокам и вспомнить об империях, которым названные новообразования в значительной степени пытались соответствовать, т.е. о Риме и Византии, то все предстанет совсем в ином и, конечно, более объективном виде.

III. Миграции кочевников

III.1. Динамика степей Евразии

Всем хорошо известно, что степи Северного Причерноморья являются частью великого пояса степей Евразии, по которому, как уже частично говорилось, периодически происходили перемещения кочевников с востока на запад. Эти периодические выплески связываются с Внутренней Азией, главным образом монгольской степью, которую Л.С. Клейн удачно назвал «генератором народов» [Клейн, 1974 с. 126]. В древности степным коридором на запад прошли скифы, сарматы, аланы и др., в средневековье – гунны, хазары, печенеги, половцы, татаро-монголы и т.д. Д.А. Мачинский определил это явление как «закон степей», заключающийся в том, что кочевые орды неуклонно двигались с востока на запад, при этом восточные соседи имели военное преобладание над западными [Мачинский, 1989а, с. 21; 1993, с. 9]. Он также первым среди исследователей обратил внимание на то, что периодичность этих передвижений может быть связана с хронологическими отрезками, охватывающими 200–300 лет [Мачинский, 1971, с. 50]. Надо признать, что его наблюдения не нашли должного понимания у коллег-археологов, а они, на мой взгляд, имеют принципиальное значение для понимания исторических судеб не только кочевых этносов, но и оседлых народов Северного Причерноморья, в том числе и греческих колонистов.

Причины, побуждавшие племена кочевников покидать родные места

Виноградов Ю.А. Миграции кочевников Евразии...

и передвигаться, по большей мере, на запад, все еще остаются не вполне ясными. Даже специалисты, изучающие эту проблему, порой трактуют ее абсолютно по-разному. Для материалистической науки, казалось бы, бесспорным должен быть примат экономики. В связи с этим важно обратить внимание на то, что скотоводческое общество при той же численности населения, что и земледельческое, требует несравнимо больших территорий для своего жизнеобеспечения [Буровский, 1995, с. 158]. Такое положение, разумеется, в немалой степени должно объяснять известный элемент экспансионизма в истории кочевников. Стремление к максимальному расширению территории для выпаса стад, как считает С.А. Плетнева, толкало кочевников на путь завоеваний [Плетнева, 1981, с. 51; ср.: Михайлова, 2006, с. 9].

Не трудно понять, что в приведенной концепции весьма существенное значение имеет климатическая составляющая. Трудно спорить с тем, что экономика кочевников сильно зависела от природно-климатических колебаний [Быков, Быкова, 2007], а это означает, что важная причина миграций кочевников заключалась в изменении, точнее в ухудшении климата, ведущего к усыханию степных пастбищ. Такие негативные изменения среды обитания, как можно полагать, в кочевнических обществах закономерно вызывали необходимость поиска новых, более пригодных для ведения скотоводческой экономики территорий. О. Латтимор, к примеру, видел основную причину цикличности кочевнических миграций именно в этой сфере [Lattimore, 1951, p. 329; 1962, p. 63-64].

Прекрасно известно также сколь впечатляющие картины исторического развития Великой степи рисовал Л.Н. Гумилев [Гумилев, 1966, с. 94 сл.; 1967, с. 55 сл.; 1993, с. 271 сл., 285 сл., 299 сл., 314-319; 320 сл.; ср.: Буровский, 1995, с. 161], при этом одним из важнейших элементов его концепции было выделение периодов увлажнения/усыхания аридной зоны, точнее гетерохронности периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон, идею о которых высказал В.Н. Абросов [1962, с. 325-328]. Ритмы Евразии, как полагал Л.Н. Гумилев, были связаны с периодическими меридиональными сдвигами прохождения с запада на восток антициклонов. Такие сдвиги, приводившие к увлажнению степей и, соответственно, к увеличению травяного покрова, численности поголовья скота и т.д., являлись важной причиной возрастания активности кочевых объединений. Часто забывается, правда, что Л.Н. Гумилев не считал ухудшение природных условий в степи неременным условием масштабных завоеваний кочевников. Как раз напротив, по этому поводу он писал: «Успешные внешние войны кочевников и их вторжения в Китай, Иран или Европу совершали не скопища голодных людей, искавших пристанища, а дисциплинированные, обученные отряды, опиравшиеся на богатый тыл» [Гумилев, 1966, с. 85]. Такие вторжения могли иметь место только в условиях увлажнения аридной зоны. Ее усыхание становилось причиной не военных походов, а «выселения кочевников мелкими группами, обычно оседавшими на степных окраинах» [Гумилев, 1966, с. 85; 1993, с. 311-314]. Иными словами,

Л.Н. Гумилев выделял два типа передвижения номадов на запад (завоевание и выселение), коррелируя их с увлажнением или усыханием степной зоны.

Экономическая система кочевников действительно весьма своеобразна, она демонстрирует особый тип взаимоотношений между человеком, животным и растительным миром степей [Bonte, 1981, p. 34]. Как справедливо считает А.М. Хазанов, она основана на балансе трех переменных:

1. Природные ресурсы, т.е. растительный покров степей, наличие водных источников и т.д.
2. поголовье скота.
3. Численность населения.

Обозначенные переменные, по мысли исследователя, находились в состоянии динамического баланса, подвергаясь колебаниям в сторону увеличения или уменьшения, но эти колебания происходили отнюдь не синхронно. Возникающая в результате этой асинхронности хроническая нестабильность кочевнической экономики, вероятнее всего, являлась одной из причин периодически возникающих миграций [Хазанов, 2002, с. 40].

Экономико-климатическая гипотеза, вне всякого сомнения, имеет немалое рациональное зерно, однако ее безусловное признание может завести нас в тупик. Дело в том, что кочевники обычно устремлялись с востока на запад, а это, если трактовать проблему с обозначенных позиций, может означать лишь то, что климат на западе всегда или почти всегда был лучше, чем на востоке, с чем вряд ли можно безоговорочно соглашаться. Н.Н. Крадин вообще признает такой подход неперспективным [Крадин, 1992, с. 63]. Нет, он не отрицает влияние климатического фактора на историю, а, напротив, подчеркивает зависимость экономики номадов от природно-климатических колебаний [Крадин, 1991, с. 302; 1992, с. 52], но вот влияние этого фактора на историю миграций, как будто, отрицает полностью. Во всяком случае, по его мнению, «жесткая корреляция» глобальных периодов усыхания/увлажнения степей с временами упадка/расцвета кочевых империй сейчас не подтверждается» [Крадин, 2001, с. 22]. Сказанное выше по данному вопросу заставляет нас в чем-то признать его правоту, хотя все-таки трудно вообразить, чтобы мощные кочевнические объединения возникали в условиях полной засухи в аридной зоне.

Вместе с тем, признание или непризнание влияния климатических колебаний на миграции кочевников не мешает нам согласиться с мнением А.М. Хазанова, что их передвижения на запад почти всегда сопровождались войнами [Khazanov, 1984, p. 173]. Крупные передвижения при этом, вероятнее всего, осуществлялись, так сказать, по принципу «падающего домино», когда один народ теснил другой, тот, в свою очередь, третий и т.д. Первым картину такой миграции обрисовал сам Отец истории: «Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войн массагетами, ушли, перейдя Аракс, в Киммерийскую землю; именно ее теперь и населяют скифы, а в древности, как говорят, она принадлежала киммерийцам»

Виноградов Ю.А. Миграции кочевников Евразии... §§§§§§§§§§§§§§§§

[Herod. IV. 11. 1; перев. А.И. Доватура и др.]. Из российских исследователей ее разделял В.В. Григорьев, писавший, что вторжения номадов «происходили вследствие толчков, которые вторгавшиеся получали сами ... от других соседних и почему-либо более сильных кочевников». Он же обозначил еще один важный принцип – «между кочевниками гонимые и преследуемые тотчас же обращаются в победителей и преследователей» [Григорьев, 1875, с. 11]. Весьма показательно, что Страбон назвал аорсов и сираков, т.е. два сильных кочевых этноса, обитавших в степях между Каспием и Понтом, беглецами «из среды живущих выше народов» [Strab. XI. 5. 8]. Эти «беглецы», однако, обладали весьма крупными военными силами – сираки при боспорском царе Фарнаке выставили 20 тыс. всадников, царь аорсов Спадин – 200 тыс., «а верхние аорсы еще больше, так как они владели более обширной страной и господствовали, можно сказать, над наибольшей частью Каспийского побережья» [Strab. XI. 5. 8; перев. В.В. Латышева].

В ряду крупных современных ученых концепцию «падающего домино» развивает Т. Барфилд, подчеркивающий, что масштабные миграции, как правило, не были следствием голода и поиска новых пастбищ; они, скорее, были вызваны давлением более сильных соседей, когда кочевникам легче было найти «новый дом», нежели воевать за «старый» [Barfield, 1992, p. 24; Барфилд, 2002, с. 64-65]. Рассматриваемая концепция подкупает своей простотой и, так сказать, глубиной корней, но она не объясняет двух «проклятых» вопросов: чем вызывались «первотолчки» и почему они происходили с известной периодичностью? Проблема, как видим, очень сложна.

Нетрудно заметить также, что при изучении миграций номадов исследователи по большей мере обращают внимание на факторы, которые выталкивали их с «родных» территорий (ухудшение климата, нападения врагов и т.п.). Д. Энтони назвал их push factors, но ведь существовали и pull factors, притягивавшие переселенцев на новые земли [Anthony, 1997, p. 22-23]. Нет сомнения, что люди вряд ли согласятся переселиться в абсолютно неведомые края, необходимую «соблазнительную» информацию о далеких землях, достаточную для организации масштабной миграции, могли приносить «пионеры» [Anthony, 1997, p. 27], участники разведывательных походов, в которые отправлялись по большей мере молодые, неженатые мужчины, но об этом речь пойдет ниже.

Каждая волна кочевнических миграций, как уже говорилось, не приходила на пустое место, и поэтому совсем не удивительно, что вторжения на новые территории обычно сопровождались войнами с их обитателями, то есть кочевниками, продвинувшимися сюда ранее. После утверждения гегемонии пришельцев, ситуация в степях постепенно стабилизировалась вплоть до нового вторжения восточных номадов, когда начиналась очередная серия войн. Обозначенная цикличность чрезвычайно характерна для истории кочевнических этносов степей северного Понта, являясь одной из важнейших закономерностей в развитии этого региона. Надо признать, что в изучении

этой цикличности, отражающей очевидную схожесть исторических судеб различных кочевнических народов Северного Причерноморья, отечественная историческая наука накопила немалый опыт, более того – на этом пути, по моему глубокому убеждению, достигнуты весьма серьезные успехи. Первым на обозначенную закономерность указал С.И. Руденко [1961, с. 3-4], позднее его идеи были развиты С.А. Плетневой на материалах эпохи средневековья [Плетнева, 1967, с. 180 сл.; 1981, с. 50 сл.; 1982, с. 13 сл., 36 сл., 77 сл.]. В истории кочевников Северного Причерноморья исследовательница выделила три периода или этапа, которые можно определить как *вторжение*, *стабилизация* и *кризис*. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Первый период – это вторжение. На этом этапе кочевники, продвинувшиеся с востока, активно захватывали новые территории для обитания. Несколько драматизируя ситуацию, С.А. Плетнева писала: «Кочевники надвигались, как туча, уничтожая все на своем пути» [Плетнева, 1981, с. 51]. Во время вторжения они перемещались без четких маршрутов кочевания, не имели строго определенных районов летних и зимних пастбищ и т.д. [ср.: Хазанов, 1973а, с. 7; Марков, 1976, с. 282]. Этот период, охватывающий 25-30 лет в истории кочевников, практически не находит отражения в археологических источниках, за исключением следов пожаров и разрушений на земледельческих поселениях, запустения некоторых территорий; в степи с ним могут быть связаны отдельные погребения кочевников. С.А. Плетнева определяла этот период как время «нашествия» [Плетнева, 1982, с.14], другие исследователи склонны называть его – «периодом завоевания» или «обретения родины»⁴. Такие определения вполне оправданы, поскольку пришельцам приходилось вести борьбу за обладание районом с прежними его хозяевами. Г.Е. Марков обоснованно считает, что во время больших переселений общество кочевников закономерно переходило в «военно-кочевое» состояние [Марков, 1976, с. 311-312; 1980, с. 28-29].

Вполне очевидно, что передвижение кочевников на запад, их вторжение в Северное Причерноморье, как правило, приводило к дестабилизации военно-политической обстановки в регионе, накладывало заметный отпечаток на последующее развитие всех территорий, прилегающих к поясу степей. Можно предполагать, что во время вторжения основная цель пришельцев заключалась в уничтожении власти старой кочевнической аристократии и утверждении новой; рядовое кочевническое население, возможно, тоже частично уничтожалось, но, скорее всего, просто обкладывалось данью или инкорпорировалось в состав орды пришельцев, постепенно растворяясь

⁴ Понятие «период обретения родины» сложилось в венгерской археологической литературе первой половины XIX в. в отношении памятников, оставленных кочевниками-венграми времени их продвижения в Карпатский бассейн в IX в. н.э. [см.: Археология Венгрии, 1986, с. 331-332]. Сейчас его используют и в отношении истории других кочевых народов.

в ней [Першиц, 1994, с. 201]. Войны кочевников, однако, совсем не ограничивались лишь степными территориями, в них так или иначе включались соседние земледельческие народы (в древности, разумеется, и греческие колонии), над которыми новые хозяева степей стремились установить свой контроль. Именно тогда, как представляется, дестабилизация военно-политической обстановки в регионе достигала максимальной степени напряжения.

Номады в своих отношениях с оседлыми народами и государствами на этом этапе могли придерживаться весьма жесткой линии поведения, которую прекрасно выразил один из монгольских аристократов после завоевания Китая. Обращаясь к Чингис-хану, он заявил: «Хотя завоеваны ханьцы, но [от них] нет никакой пользы. Лучше уничтожить их всех! Пусть [их земли] обильно зарастут травами и деревьями и превратятся в пастбища» [Мункуев, 1965, с. 73]. Весьма показательна, правда, что великий хан не поддержал столь радикальной точки зрения.

«Новые номады», как уже было сказано, полностью утверждали свою гегемонию приблизительно через четверть века после вторжения, тогда им удавалось установить «нормальную» систему эксплуатации подвластных территорий, взимание дани с подчиненных земледельцев и т.п. На этой стадии кочевники уже не были однозначно заинтересованы в дальнейшем продолжении войн, и, таким образом, военно-политическая ситуация в степях постепенно стабилизировалась, что знаменовало начало нового исторического этапа [ср.: Марков, 1976, с. 311-313].

Второй этап в истории кочевников можно именовать этапом стабилизации. Для него в первую очередь характерно то, что у номадов уже были выработаны правила взаимоотношений с соседними земледельческими народами, сложились стабильные маршруты сезонных передвижений, постоянные районы летних и зимних пастбищ, сформировались родовые кладбища и т.д. Как правило, такие перемены достаточно благотворно сказывались на положении земледельцев, поскольку фиксированная дань, которую те вынуждены были выплачивать номадам, конечно, была лучше откровенного грабежа. Разумеется, этот этап нельзя считать подобием некоей идилии. Кочевая аристократия по вопросу эксплуатации подвластных племен вряд ли всегда имела единую, тем более удовлетворяющую эксплуатируемых, точку зрения. К примеру, среди Чингизидов одна группа рассматривала земледельческое население как объект периодических грабительских походов, другая предпочитала более цивилизованные методы поборов [Мункуев, 1965, с. 65; Федоров-Давыдов, 1966, с. 236; 1973, с. 29]. В последнем случае очень многое зависело от форм и размеров взимаемой номадами дани [об этом см.: Першиц, 1973; 1994, с. 208; Крадин, 1992, с. 60; 1995а, с. 174; 2001, с. 28; Khazanov, 1984, p. 224 ff.]. Однако при всей сложности и неоднозначности возникавших ситуаций этап «завоевания родины» в истории взаимодействий кочевников с земледельцами можно называть конфликтным, а этап стабилизации – относительно конструктивным.

Третий этап определяется как кризисный. Кризисные явления проявлялись в прогрессирующем разрушении экономической системы и социальной структуры кочевнических обществ степей Северного Причерноморья. Усиление имущественной дифференциации приводило к тому, что часть кочевников (обедневшая) начинала оседать на землю и переходить к занятию земледелием, а другая (богатые семьи) продолжала кочевать. Об оседании кочевников на землю (седентаризации) необходимо сказать особо. Дело в том, что в обычной ситуации кочевник порой был вынужден браться за плуг, но, получив урожай, он стремился немедленно обменять его на скот и вернуться к кочеванию [Марков, 1976, с. 139; Бациева, 1982, с. 318; Крадин, 1991, с. 314-315; 1995а, с. 166; Khazanov, 1984, p. 83; 198-202]. Если же седентеризация приобретала большие масштабы, т.е. значительная часть кочевников, занявшихся земледелием, в силу ряда причин уже не могла возвратиться к ведению скотоводческого хозяйства, то это свидетельствовало о системности кризиса в степях.

О масштабах седентеризации на этом этапе можно судить по рассказу арабского автора ал-Омари о Дешт-и-Кипчак (половецкой степи): «До покорения (этой страны) татарами она была повсюду возделана, теперь же в ней (только) остатки этой возделанности» [Тизенгаузен, 1884, с. 235]. Некоторые исследователи считали эту оценку не более, чем пессимистическим преувеличением [Греков, Якубовский, 1937, с. 45]. Преувеличение здесь, скорее всего, присутствует, но не слишком большое. Г.А. Федоров-Давыдов показал, что половцы действительно знали временную оседлость [1966, с. 206-207], все проявления которой были уничтожены монгольским завоеванием [1966, с. 234; ср.: Плетнева, 1981, с. 56]. Такая ситуация в истории степей Северного Причерноморья, как представляется, была достаточно типичной и проявлялась неоднократно [ср.: Lattimore, 1962, p. 150].

Кризисные явления в степях, вне всякого сомнения, стимулировались влиянием на номадов цивилизованных стран. По этому поводу китаец-перебежчик в 174 г. до н.э. поучал хуннского шаньюя, подчеркивая, что «численность хуннов не может сравниться с населенностью одной китайской области, но они (хунны – Ю.В.) потому сильны, что имеют одеяние и пищу отличные (от китайских – Ю.В.) и не зависят в этом от Китая» [Бичурин, 1950а, с. 57]. Распространение в среде кочевников моды на китайские шелковые одежды, китайскую пищу, напитки и т.д., по мнению этого перебежчика, ослабляли их силу. Такое нравоучение, необходимо признать, не лишено смысла [Бернштам, 1951, с. 39; Васютин, 2002, с. 92]. При этом оно справедливо отнюдь не только в отношении хуннов, те же самые процессы с той же самой направленностью можно проследить и в других частях Великой степи, где она граничила с земледельческими цивилизациями. Различия проявлялись разве что в наборе и облике предметов цивилизованного быта, поставлявшихся для номадов.

В такой кризисной ситуации, как правило, сопровождавшейся внутренними раздорами, кочевники Северного Причерноморья встречали угрозу с востока,

реннее ослабление кочевых обществ обычно помогало их «соседям-врагам», приходившим с востока. Необходимо также обратить внимание и на то, что история кочевников средневековья не знает 100-150-летних перерывов в циклах, связанных с историей различных этносов. К примеру, между хазарами и печенегами, печенегами и половцами, половцами и татаро-монголами их усмотреть не удастся, а значит дополнение схемы С.И. Руденко–С.А. Плетневой еще одним, четвертым, этапом вряд ли можно признать удачным⁵.

Современная археология в ряде случаев позволяет достаточно уверенно считать, что начало периодов дестабилизации военно-политической ситуации в северопричерноморском регионе, вызванных продвижением новых nomadов, фиксируется, прежде всего, в его восточных областях – Подонье и Прикубанье. И это вполне естественно, поскольку пришельцы с востока появлялись именно здесь и лишь потом устремлялись далее к западу. Любопытно, но и обратный процесс, связанный со стабилизацией военно-политической обстановки, опять же раньше всего проявляется в восточной части Причерноморских степей. Именно в Подонье и Прикубанье чаще всего фиксируются самые ранние могильники пришельцев из глубин Азии.

III.2. Татаро-монгольское завоевание как пример миграции кочевников

Постановка этого вопроса, вероятно, может вызвать некоторое удивление, поскольку принято считать, что миграции, по большей мере, являлись спонтанным, постепенным процессом, а татаро-монгольские завоевания стали результатом серии хорошо спланированных походов, осуществленных армией могучей империи Чингис-Хана и его преемников. Л.Н. Гумилев, к примеру, категорически возражал против отождествления монгольских походов XIII в. с обычными миграциями [Гумилев, 1987, с. 74]. Под последними, как говорилось выше, он понимал расселение мелких групп кочевников на степных окраинах, происходившие в период усыхания аридной зоны (см. главу 3.1). У монголов же победу одерживали «не рыхлые скопища кочевников, а хорошо организованные мобильные отряды, после боевых кампаний возвращавшиеся

---

⁵ Не все кочевые народы, появившиеся в степях Северного Причерноморья, непременно проходили в своем развитии все обозначенные три стадии. По наблюдениям И.П. Засецкой, концепция С.И. Руденко–С.А. Плетневой не вполне применима к гуннам. Имеющиеся археологические материалы, которые можно связывать с этим народом, представлены разбросанными по степям одиночными погребениями с разнообразным обрядом, что соответствует первой стадии кочевания; характерные признаки второй представлены лишь в незначительной степени [Засецкая, 1994, с. 159]. Такое положение, в общем, не удивительно, поскольку вся недолгая история гуннов в Европе (конец IV – V вв.) представляет череду войн и далеких походов. А.К. Амброз связывал обезлюдение пространств Северного Причерноморья в V в. с тем обстоятельством, что гунны увели местное население в составе своих войск, когда в первых десятилетиях этого столетия центр их державы был перенесен в Среднее Подунавье [Амброз, 1971, с. 104].

Виноградов Ю.А. Миграции кочевников Евразии...

в родные степи» [Гумилев, 1987, с. 74]. В известном смысле Л.Н. Гумилев был, безусловно, прав, но все-таки идея о «завоевании без переселения» представляется немного искусственной, и ирония Л.С. Клейна по этому поводу была вполне оправдана [Клейн, 1974, с. 134]. В действительности в отношении татаро-монгольских завоеваний следует признать, что со времени Великого переселения народов цивилизация не знала столь грандиозных изменений в политике, общественной жизни и культуре, столь масштабных перемещений отдельных родов и целых племен [Исхаков, Измайлов, 2007, с. 86], иными словами, их трактовка как своеобразной миграции вполне допустима.

Не следует забывать также, что крупные миграции номадов вообще, как правило, являлись результатом некоего политического решения кочевого народа, предпочитавшего найти новые земли для обитания, нежели защищать старые от натиска врагов [Barfield, 1992, p. 24; Барфилд, 2002, с. 64-65]. Уже неоднократно говорилось, что обретение новой родины было связано с серией весьма продолжительных войн. Монголов с их земель никто не выгонял, и концепция «падающего домино» (см. главу 3. 1) в этом отношении абсолютно неприемлема. В принципе, только в этом можно видеть явное отличие их завоеваний от «обычной» миграции, прочие отличия заключаются разве что в большей масштабности и лучшей организации их распространения на обширнейших пространствах Азии и Европы. Рассматривая татаро-монгольские завоевания как вид миграции, попытаемся обратить внимание на некоторые ее существенные моменты.

Важным событием начального этапа этих завоеваний на западе, как известно, стал поход Джебэ и Субэдея. Арабские источники сообщают, что во время преследования бежавшего Хорезмшаха к ним присоединилось «много войск мусульманских и неверных, а также и (много) негодяев, замышлявших грабежи и бесчинства» [Тизенгаузен, 1884, с. 14]. Перед походом на Грузию к Джебэ и Субэдею присоединился также некий Акуш, собравший вокруг себя туркмен, курдов и др. [Там же, с. 15]. Как видим, уже в самом начале татаро-монгольских завоеваний в него включились выходцы из различных народов. Во время похода на Русь их войска состояли не только из монголов, но и из тюрок, киданей, китайцев, чжурчжэней, тангутов и др. [Кычанов, 1999, с. 164]. Монголы лишь возглавили это полиэтничное движение.

Первое вторжение в Восточную Европу опять же было связано с походом Джебэ и Субэдея. Имеющиеся источники позволяют уверенно считать, что тумены монгольских полководцев появились в Предкавказье в 1222 г., нанеся здесь поражение аланам и половцам [Тизенгаузен, 1884, с. 26]. Крымский город Судак был захвачен ими, скорее всего, уже в начале 1223 г. [Записки XII–XV вв., 1863, с. 601, № 33; Тизенгаузен, 1884, с. 26; 1941, с. 33; Рашид ад-Дин, 1952, с. 229], при этом в Крым татаро-монголы, вероятно, продвинулись зимой через замерзший Керченский пролив [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с. 156; Плетнева, 1990, с. 172; Бубенок, 2003, с. 29-30].

Затем монгольские полководцы повели своих воинов в половецкую степь и, притворным отступлением заманив русско-половецкое войско почти до Дона, разгромили его 31 мая 1223 г. в битве на Калке [см.: Греков, Якубовский, 1937, с. 31-38; Пашуто, 1956, с. 129-131; Каргалов, 1967, с. 64; Черепнин, 1977, с. 187-189; Романов, 1981, с. 79 сл.; Толочко, 1987, с. 167; 1999, с. 164-165; Вернадский, 1997, с. 47-48; Кривошеев, 2003, с. 132-136; Храпачевский, 2004, с. 329-335]. После этого, несмотря на очевидные успехи похода, Джебэ и Субэдей увели свои тумены в Монголию, и новый поход на запад состоялся лишь почти через 15 лет после этого. Тем не менее, еще до его начала, в 1229 г. и последующие годы, татаро-монголы провели военные акции в Прикаспийских степях и против Волжской Булгарии [Пашуто, 1956, с. 150-151; Черепнин, 1977, с. 190]. Военное напряжение на восточных рубежах половецкой степи ощущалось все больше и больше [Хрусталеv, 2004, с. 67]. По свидетельству венгерского миссионера Юлиана, прибывшего к аланам в 1235 г., те отказывались сопровождать его дальше, поскольку боялись татар, находившихся где-то поблизости [Аннинский, 1940, с. 79].

Батый начал поход «к последнему морю» летом-осенью 1236 г. Численность его войска иногда сильно преувеличивали, но наиболее взвешенная точка зрения сводится к тому, что в нем насчитывалось 120–140 тыс. воинов, из которых собственно монголов было не более половины [Каргалов, 1967, с. 74; Кирпичников, 1989, с. 144; Храпачевский, 2004, с. 180; Хрусталеv, 2004, с. 69; но ср.: Гумилев, 1992, с. 518]. Эта крупная, хорошо подготовленная армия, прежде всего, совершила успешное нападение на Волжскую Булгарию [Храпачевский, 2004, с. 351; Исаков, Измайлов, 2007, с. 87], а затем, зимой 1237/38 г., обрушилась на русские княжества. Не останавливаясь на перипетиях этого похода [см.: Греков, Якубовский, 1937, с. 156 сл.; Пашуто, 1956, с. 151 сл.; Черепнин, 1977, с. 186 сл.; Толочко, 1986, с. 168 сл.; 1999, с. 168 сл.; Вернадский, 1997, с. 58-59; Кривошеев, 2003, с. 139 сл.; 2006, с. 152 сл.; Храпачевский, 2004, с. 354 сл.; Хрусталеv, 2004, с. 81 сл.], напомним лишь, что Киев был захвачен в 1240 г., т.е. через 18 лет после первого появления татаро-монголов в степях Восточной Европы. Тогда же, по всей видимости, было нанесено окончательное поражение половцам. Половецкий хан Котян с остатками своего войска ушел в Венгрию, где вскоре сам Котян и его приближенные были перебиты, а орда ушла на Балканы [см. Греков, Якубовский, 1937, с. 161; Пашуто, 1956, с. 166; 1977, с. 211; Федоров-Давыдов, 1977, с. 247; Вернадский, 1997, с. 59; Толочко, 1999, с. 142-143; Мыськов, 2003, с. 28-29].

В 1241 г. начался большой поход Батыя в глубь Европы [см.: Пашуто, 1956, с. 163 сл.; 1977, с. 210 сл.; Храпачевский, 2004, с. 388 сл.; Хрусталеv, 2004, с. 189 сл.]. Тяжелые удары татаро-монголов обрушились на Польшу, Чехию, Венгрию и другие земли. Лишь узнав о смерти великого хана Угедея (11 ноября 1241 г.), Батый приказал своим войскам повернуть назад. Несмотря на несомненные успехи этого похода, дальнейшие завоевания на западе,

(с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) на земле кипчаков вступили в брак с ними и остались жить в земле их (кипчаков). Таким образом долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменять прирожденные черты согласно ее природе» [Тизенгаузен, 1884, с. 235]. Реальная история Дешт-и-Кипчака в это время была, конечно, значительно драматичней, чем почти идиллическая картина, обрисованная ал-Омари [Исхаков, Измайлов, 2007, с. 175-180]. Тем не менее, современные исследователи почти единодушно признают, что монгольских черт в материальной культуре Золотой Орды очень немного [см.: Исхаков, Измайлов, 2007, с. 175]. Самый наглядный археологический признак этно-политических перемен этого времени в степях региона можно связать с исчезновением традиции ставить на курганах «каменные бабы», что, в свою очередь, диагностирует уничтожение культуры половецкой аристократии [Федоров-Давыдов, 1966, с. 239; 1973, с. 41]. Есть веские основания считать, что монгольские отряды, оседая в иноэтничной среде, как правило, утрачивали свой язык и веру; в Золотой Орде постепенно усилилась роль кипчацко-половецкого этноса [Федоров-Давыдов, 1966, с. 247; 1973, с. 27-28, 171; Каргалов, 1967, с. 61; Кычанов, 2002, с. 82]. Все эти вопросы, однако, требуют более серьезного, теоретического осмысления [см.: Алексеев, Бромлей, 1968].

III.3. Миграции кочевников и археология

Проблема миграций кочевников Евразии на запад, безусловно, является составной частью более широкой проблемы миграций в истории человечества. Так получилось, что в науке XX в. их изучение столкнулось с серьезными сложностями, и это касается как отечественной (советской) науки, так и западной [Клейн, 2004., с. 210]. В Советском Союзе миграции долгое время считались чем-то антинаучным, немарксистским, противоречащим законам внутреннего развития общества и даже теоретическим прикрытием агрессии против страны социализма [об этом см.: Клейн, 1993, с. 21 сл.; Виноградов, 2000а, с. 109; Формозов, 2004, с. 53, 58-59; ср.: Чайлд, 1949, с. 109, 133-135]. На Западе такое положение оказалось связанным с теоретическими представлениями «новой» археологии, возникшей в конце 60-х гг. XX столетия и по существу деморнизовавшей и мистифицировавшей эту идею [Chapman, Namerow, 1997, p. 1; Anthony, 1997, p. 21]. Многим сторонникам «новой» археологии до сих пор представляется, что миграционные трактовки являются слишком простыми для решения сложных проблем развития человеческих сообществ; с помощью них подобно *deus ex machina* слишком часто легко объяснялись все эпизоды культурных изменений, очень трудных для объяснения [см., к примеру: Tainter, 1988, p. 63, 89, 202]. Подобные весьма серьезные сомнения в универсальности теории миграционизма привели к тому, что от нее вообще почти отказались, тем самым в очередной раз «выплеснув из ванны вместе

с грязной водой и ребенка». Л.С. Клейн по этому поводу справедливо заметил, что «критикуя миграционизм и диффузионизм за то, что они превращали идеи миграции и диффузии в отмычку для интерпретации любых изменений в культуре, незачем чураться самих явлений миграции и диффузии» [Клейн, 2004, с. 284]. Тем не менее, по существу только в последние годы в западной науке миграционные объяснения стали иметь вес при оценке дисконтинуитета в развитии археологических культур, в особенности при изучении территориального распространения комплексов материальной культуры [Anthony, 1997, p. 21]. Следует подчеркнуть, однако, что теоретическое осмысление подобных явлений не мешает западным ученым под миграциями часто понимать совсем не перемещения народов, а характерную для современного мира мобильность населения [Chapman, Hamerow, 1997, p. 1].

Вновь возвращаясь к ситуации в степях Евразии, необходимо признать, что одним из важных последствий неоднократного проникновения различных кочевых народов на новые земли, в том числе и в Северное Причерноморье, было формирование здесь весьма пестрой этнической картины. Чрезвычайно характерным в связи с этим является описание Геродота, попытавшегося разделить местные народы на скифские и нескифские [Herod. IV. 17-22], в меньшей степени в этом плане информативны этническая карта Страбона [Strab. VII. 17] и текст декрета в честь Протогена [IOSPE. I². 32], но и они весьма показательны. По свидетельству Геродота, скифы царские даже проживали чересполосно, т.е. в двух различных, разделенных немалыми пространствами районах [Herod. IV. 20; 22. 3]. Такая чересполосность, впрочем, была характерна не только для степей Северного Причерноморья [см. Бичурин, 1950б, с. 190-191]. Обозначенная ситуация ставит перед археологами, исследующими степные памятники, очень непростую задачу. Выделение археологических культур, групп или даже этнодиагностирующих признаков, которые можно было бы уверенно связать с конкретными кочевыми народами, представляется в высшей степени сложным. Об этнической атрибуции многих археологических памятников, особенно тех, которые находятся в зоне пограничья или относятся к времени миграций («завоевания родины»), споры в научной литературе не утихают и, по всей видимости, никогда до конца не утихнут.

Материальная культура номадов вообще весьма специфична, по понятным причинам она в основном должна состоять из предметов компактных, легких, удобных для транспортировки. Весьма специфичными должны быть и оставленные ими археологические культуры; в свое время Г. Чайлд считал их почти невидимыми или неуловимыми [Childe, 1939, p. 91]. Естественно, такая характеристика не может относиться к курганным некрополям номадов, а вот места их стоянок археологически выявляются с большим трудом. Основным археологическим материалом для интересующего нас времени, безусловно, является керамика. В отношении нее специальные наблюдения убедительно демонстрируют, что кочевниками керамическая

посуда использовалась не столь интенсивно, нежели обитающими на сопредельных территориях оседлыми народами, и набор ее у них был намного скромней [Gribb, 1993, p. 75-76].

Еще одно важное обстоятельство, на которое следует обратить внимание в связи с существующими в современной археологической науке трактовками миграций кочевников, заключается в том, что исследователи пытаются определить «прародину» тех или иных народов, появившихся в степях Северного Причерноморья, почти не уделяя внимания огромной сложности этого исторического явления. По понятным причинам ученые стремятся найти такие районы или археологические культуры, из которых вместе с переселенцами на запад могли распространиться характерные для номадов северного Понта типы погребальных сооружений, керамические формы, детали боевого снаряжения и т.д. В общем, такой подход дает основание достаточно уверенно считать, что движение определенных типов артефактов по степному коридору, в основном, осуществлялось с востока на запад⁷. В остальном же приходится признать, что археология в большинстве случаев не дает надежных оснований для определения районов, из которых эти миграции происходили. В принципе, мне не известны примеры того, чтобы культура восточных номадов была перенесена на запад в неизменном виде, без каких-то потерь и трансформаций [ср.: Плетнева, 1981, с. 52; 1982, с. 16; Болгов, 1996, с. 28-29; Михайлова, 2006, с. 9]. В этом, собственно, и кроется главная причина невероятной сложности рассматриваемой проблемы.

Некоторые трактовки миграций кочевников Евразии с востока на запад, существующие в современной науке, в ряде случаев представляются несколько механистичными. Многие исследователи, как будто, полагают, что во время движения номадов на новую родину непременно устремлялся весь этнос, во всяком случае, его значительная часть, и результатом такого движения непременно должен стать перенос на новое место целого культурного комплекса, представленного на территориях старого обитания. Они по-прежнему ищут проявления идентичности археологических культур в глубинах Азии и в степях Причерноморья и, естественно, не находят их [Яценко, Раевский, 1980, с. 112]. Л.С. Клейн, критикуя такой подход, назвал его «лекальным», сводящимся к тому, что в новом ареале как бы по одному лекалу воспроизводились культурные формы старого района обитания. В реальности же «лекальных» передвижений культур не бывает [Клейн, 1973, с. 6; 1999, с. 58; Титов, 1982, с. 91-93]. Как справедливо заметил Д. Энтони, «мигрируют не культуры, а люди» [Anthony, 1997, p. 27], иными словами, в процессе миграций

---

⁷ Подобную картину демонстрирует также изучение этнонимов и топонимов, которые имеют тенденцию к распространению с востока и юго-востока на запад, имея в своей основе реальные перемещения племен [Ельницкий, 1977, с. 141; Ольховский, 1981, с. 56].

культура непременно претерпевает изменения. Этнические миграции всегда связаны с культурными трансформациями, на которые, по мысли Л.С. Клейна, оказывали воздействие три основных фактора:

1. Эффект усреднения, объясняющийся тем, что в любое сравнительно крупное передвижение вовлекались выходцы из различных этнических групп.

2. Миграционная трансформация, связанная, так сказать, с встряской, разрывом старых связей и традиций.

3. Неидентичность состава, которую можно рассматривать в двух аспектах – исходной и конечной неидентичности. Конечная неидентичность является логическим следствием, вытекающим из двух первых посылок, исходная же связана с проблемой субкультур, существующих в любой этнической культуре. Понятно, что если в переселение отправятся только молодые мужчины-воины, то результат культурной трансформации будет один, а если более широкие слои населения, то другой [Клейн, 1973, с. 7-8; 1999, с. 59; ср.: Charman, Namerow, 1997, p. 6].

Все эти очень разумные суждения, в общем, не нашли поддержки среди специалистов по интересующим нас проблемам, даже упоминания концепции Л.С. Клейна на страницах отечественных историко-археологических публикаций встречаются не очень часто [Алексеев, 2003, с. 56-57; Формозов, 2004, с. 88]. В западной литературе, однако, представление о необходимости исследования не миграций вообще, а типов миграций проявляется все с большей отчетливостью [Anthony, 1997, p. 26-27]. Создание подобной типологии с неизбежностью влечет за собой понимание того, что переселение мобильных воинственных отрядов с одной стороны, и миграции, включавшие в себя сотни и тысячи людей, с другой, непременно приведут к различным социокультурным последствиям [Charman, Namerow, 1997, p. 6].

В современной этнографической литературе также появились работы, которые вполне созвучны обозначенной системе взглядов. Так, Ю.М. Ботяков, изучая туркменский «аламан», своеобразный институт военного набега, обратил внимание, что расселение туркмен на новые территории можно уподобить пульсирующему процессу выплескивания из общины избыточного населения. Таким избыточным населением, естественно, становилась молодежь, во всяком случае, передовые отряды заселения состояли, в основном, из групп неженатой молодежи [Ботяков, 2002, с. 74-77]. Если представить себе, что такие отряды заселения уходили далеко от исходных территорий и таким образом теряли живую связь со своими более старшими хранителями племенных традиций, то на новом месте обитания их культура естественным образом должна была пройти быструю трансформацию под влиянием изменившейся этнической среды, браков с местными женщинами и т.д. Что же при такой трансформации может остаться для изучения археологам? Вполне можно допустить, что индикаторами миграции будут являться лишь предметы вооружения (мечи, типы луков и стрел), какие-то принадлежности костю-

ма (к примеру, ременные пряжки и т.д.). А вот в обряде погребения, скорей, будут доминировать местные черты; керамика, как представляется, вообще будет представлена исключительно местными типами. При таком положении миграция молодых неженатых мужчин вполне может оказаться незаметной для современной археологической науки, но, как можно предполагать, именно такая система расселения была достаточно обычной не только в сравнительно поздние времена, но и в древности.

Обращаясь к скифской истории, следует обратить внимание, что античная письменная традиция сохранила весьма противоречивое представление о возрасте скифского этноса. Юстин считал этот народ очень древним, оспаривавшим древность происхождения у самих египтян [Just. II. 1.5]. Геродот же признавал скифов самыми молодыми [Herod. IV. 5], но отмечал, что от первого царя Таргитая до похода Дария на скифов прошло не меньше тысячи лет, «но именно столько» [Herod. IV. 7]. Надо признать, что тысяча лет – это срок немалый даже для мифа и легенды [Хазанов, 1975, с. 40]. Таким образом, по рассказу Отца истории, скифы были одновременно и самыми молодыми, и весьма древними. По мнению А.В. Назаренко, состояние источников таково, что на указанное противоречие следовало бы закрыть глаза [Назаренко, 1989, с. 235], но ему все-таки можно найти объяснение. Дело в том, что из повествования Геродота известно, что самыми молодыми называли себя сколоты [Herod. IV. 5-6]. Этимология этого слова очень не проста [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 209-210, комм. 147-148; Тохтасьев, 2005, с. 72-73], но А.В. Назаренко удалось показать, что его можно связывать с иранскими словами типа «молодой», «несовершеннолетний» и т.п. Небезынтересно в связи с этим заметить, что Юстин в «Эпитоме сочинения Помпея Трога» сообщает о Сколопите; так звали одного из двух скифских царевичей, изгнанных из отечества и уведших множество молодежи на реку Термодонт в Каппадокии [Just. II. 4. 1]. Жены, а точнее вдовы, этих скифов впоследствии стали прародительницами амазонок [Just. II. 4. 4-11]. Вслед за Юстином этот рассказ излагает Оросий, но скифского царевича он называет Сколопетий [Oros. I. 15. 1]. Можно предположить, что общий контекст, в котором упоминаются имена столь близкие этнониму «сколоты», то есть указывающие на явно молодой возраст царевичей, на участие в походе молодежи и т.п., подкрепляют гипотезу о миграции, в которой участвовали, в основном, юноши. Однако В.А. Назаренко делает заключение, что сколоты были так названы в честь вероятного прозвища их легендарного царя Колаксия, как младшего из трех братьев [см.: Herod. IV. 2-4], которого, возможно, называли «Младший» [Назаренко, 1989, с. 237]. Такая трактовка, на мой взгляд, вызывает немалые сомнения, хотя Геродот действительно сообщает, что сколоты назывались так по имени царя [Herod. IV. 6. 2]. Если следовать ей, то сколотами («младшими»), скорей, следовало бы называть паралатов, потомков Колаксия, младшего из трех братьев-прародителей, но письменные источники не дают для этого надежных оснований.

Из скифской легенды, которую приводит Геродот [IV. 6. 1-2], известно, что сколоты – это общее название паралатов (потомков Колакся), вместе с авхатами (потомками среднего брата Липокся), а также катиарами и траспиями (потомками старшего Арпокся). Скорей всего, сколоты («младшие») получили свое название не в честь их легендарного царя Колакся, и вообще, как представляется, этот этноним не имеет отношения к скифской этногонической легенде. А.В. Назаренко, на мой взгляд, напрасно не придает значения одному важному обстоятельству, нашедшему отражение в обозначенном круге источников (Юстин, Оросий). Эти источники однозначно свидетельствуют, что царевич Сколопит (Сколопетий) увел молодежь в далекие земли, и пусть в данном случае речь в них идет не о Северном Причерноморье, но, в принципе, и для интересующего нас региона можно предположить нечто подобное, то есть миграцию сюда каких-то молодежных отрядов. Это тем более допустимо, что Геродот, рассказывая о происхождении савроматов, также отмечал, что к амазонкам ушли молодые скифы, а затем вместе с ними переправились через Танаис [Herod. IV. 111. 2; 115. 1-3; 116. 1].

Все приведенные соображения позволяют считать, что в древности в передвижениях кочевников на новые места обитания важную роль играли отряды, состоявшие из молодых, неженатых мужчин. В каждой конкретной ситуации при изучении этих миграций археологи будут сталкиваться с кругом весьма трудно разрешимых проблем, но, в любом случае, гипотеза «лекальных» миграций к ним абсолютно не применима.

В археологических реалиях миграции кочевников, сопровождавшиеся распространением их власти на земледельческие народы, могли найти самое различное воплощение. Вновь обращаясь к скифской проблематике, можно указать, что сторонники «автохтонной» гипотезы происхождения скифов обычно большое внимание уделяют фактам, свидетельствующим о некоей преемственности между предскифской и скифской эпохами, проявляющейся в керамических формах, особенностях погребального обряда и пр. [Яценко, Раевский, 1980, с. 110-111]. Если это так, то, казалось бы, о миграции кочевников с востока, повлиявшей на формирование скифской культуры, говорить вообще не приходится. Однако отмеченный факт преемственности вряд ли можно считать бесспорным доказательством отсутствия миграций, в подтверждение чего имеются некоторые археологические наблюдения. Так, для раннего этапа скифской истории можно привести курган Перепятиха в лесостепном Поднепровье, являющийся основным в курганный группе [Скорий, 1990a]. Обнаруженные здесь находки позволяют уверенно судить, по крайней мере, о двухкомпонентности местного культурного комплекса: предметы конского снаряжения, типы оружия являются степными, а керамика – местная, обычная для земледельческого населения. Та же самая двухкомпонентность фиксируется в более поздних Воронежских курганах, но выступает она несколько в ином облике. Самые ранние из Воронежских курганов относятся к концу VI – началу

V вв. до н.э. [Медведев, 1996, с. 176], они, как представляется, принадлежат пришлой военно-аристократической верхушке. Как и в Перепятихе, их отличает богатство погребального инвентаря, обилие оружия и пр. В курганах, естественно, имеется и керамика, но на сей раз она сильно отличается от посуды местных земледельцев, так называемой городищенской. Такое явно намеренное неприятие посуды местных типов, возможно, объясняется тем, что военно-аристократическая верхушка, которой принадлежат Воронежские курганы, утвердилась здесь в результате миграции из Днепровского Левобережья [Медведев, 1996, с. 180], т.е. из сравнительно недалеко расположенного района. Есть основания предполагать, что при переселениях на такие небольшие расстояния, осуществляемых относительно крупными и хорошо организованными группами населения, могли складываться некоторые культурные атрибуты, характерные только для этих этнических групп. Возможно, это проявлялось в сложении определенных стереотипов, мешавших культурным заимствованиям из среды подчиненного населения. Вообще же выделение двух типов миграций – на короткие расстояния (short-distance) и на дальние расстояния (long-distance) – в теоретическом отношении представляется очень полезной [Anthony, 1997, p. 26].

Еще раз несколько отвлекаясь от археологических материалов, в связи со сложностями возможных культурных трансформаций у кочевников можно привести пример, зафиксированный письменной традицией, относящийся к сравнительно позднему времени. Хорошо известно, что при завоевании монголами Ирана и Ирака отряды золотоордынского хана Берке сражались в составе войск Хулагу. После конфликта, возникшего между двумя монгольскими предводителями (впоследствии он вылился в десятилетия вражды между Хулагидами и Джучидами), Берке приказал своим войскам вернуться в Золотую Орду, но, если такое возвращение окажется невозможным, позволил им уйти в Египет. Обстоятельства сложились так, что часть его войск действительно была вынуждена направиться в Египет, где им был оказан самый теплый прием [Закиров, 1966, с. 38-39; Мыськов, 2003, с. 88]. Первый отряд, насчитывавший более двухсот всадников, прибыл туда в 1262 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 163-164], затем пришел более крупный тысячный отряд [Тизенгаузен, 1884, с. 100]. Известно также о появлении в Дамаске двухсот конных и пеших монголов, бежавших сюда вместе с женами и детьми [Тизенгаузен, 1884, с. 187]. Можно предполагать, что в результате этих событий на службу к египетскому султану перешло 2-3 тысячи золотоордынцев, а, если учесть их жен и детей, то эта цифра должна еще более возрасти. Все они, разумеется, приняли ислам и в культурном отношении, как можно полагать, довольно быстро растворились среди подданных султана, так что вряд ли возможно надеяться на получение каких-нибудь археологических подтверждений данного исторического факта.

Сказанное выше заставляет согласиться с точкой зрения, что проследить миграции по археологическим материалам – задача поистине огромная,

ству органически вошло в образ жизни» [Массон, 1989, с. 88], а война, как считают некоторые исследователи, стала для них своего рода промыслом [Потапов, 1954, с. 82; Клейн, 1980, с. 34].

Кочевническая экономика, в принципе, обеспечивала прекрасную основу для проведения стремительных походов – стада выносливых, неприхотливых и прекрасно подчиняющихся человеку лошадей. Не может быть ни малейшего сомнения также и в том, что боевые качества конников-номадов, так сказать, родившихся в седле и с детства привыкших стрелять из лука, сражаться копьем и т.д., следует признать очень высокими [Айонс, 2002, с. 99 сл.]. Отряды таких воинов, имеющих достаточное количество запасных (заводных) коней, в самые краткие сроки могли преодолеть большие расстояния и нанести удар по противнику в самом уязвимом месте и в самое неожиданное для него время. Не удивительно, что именно фигура воина-всадника стала символом степного номадизма, метафорой той необузданной силы, которая время от времени обрушивалась на мир оседлой цивилизации [Barfield, 1992, p. 21].

Выработанные в кочевнической среде приемы ведения боя, в частности, знаменитый «парфянский выстрел», когда конники, отступая от противника, вели интенсивную стрельбу из луков назад, как и некоторые другие их изобретения на этом поприще были непривычны для войск земледельцев. Создавая видимость отступления, кочевники наносили своим преследователям немалый урон, к тому же в нужный момент они могли повернуть назад и всей своей силой обрушиться на потерявшие строй, оторвавшиеся от основных сил отряды противника. Вообще тактические приемы проведения сражений, связанные с охватом конницей флангов неприятельской армии, заходом ей в тыл, с притворным отступлением, устройством засад и т.д., как правило, вели к одержанию победы номадами. В связи с этим следует напомнить сентенцию арабского мыслителя XIV в. Ибн Халдуна [см. о нем: Игнатенко, 1980; Бациева, 1982] о том, что в столкновении двух равных по численности армий преимущество будет на стороне той, в составе которой больше кочевников. Этот мыслитель, в частности, отмечал также, что «войску правителя более полезны те, кто ближе к бедуинской жизни и ее суровости, чем те, кто воспитан в условиях городской жизни» [Бациева, 1982, с. 352].

Необходимо признать, правда, что намного раньше арабского ученого сходная мысль была высказана древними греками. Геродот приписывал персидскому царю Киру слова, что «в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными и одна и та же страна не может производить удивительные плоды и породить на свет доблестных воинов». Далее Отец истории отметил, что персы прислушались к мнению своего вождя и «предпочли, сами владея скудной землей, властвовать [над другими народами], чем быть рабами на тучной равнине» [Herod. IX. 122; перев. Г.А. Стратановского]. Геродот

при этом специально обратил внимание, что часть персидских племен были кочевниками [Herod. I. 125].

Сложившаяся ситуация представляется несколько парадоксальной, поскольку экономическая и социальная отсталость кочевников по сравнению с оседлыми обществами оборачивалась их военным преимуществом [Хазанов, 2002, с. 44]⁹. Это военное преимущество номадов является одним из определяющих факторов истории в древности и средневековье, ситуация изменилась лишь в новое время с его революцией в области военного дела и вооружений. Крупный специалист в области изучения номадизма А.М. Хазанов справедливо указывает на то, что до этой революции оседлые государства были не в состоянии найти сколь-либо надежное решение военной проблемы, связанной с защитой от нападений кочевников [Хазанов, 2002, с. 55; Khazanov, 1984, p. 222-223; ср. Дигар, 1989, с. 47; Крадин, 1993, с. 196; 1995а, с. 166; Першиц, 1994, с. 132; Lattimore, 1951, p. 333; 1962, p. 151; Clutton-Brock, 1992, p. 76]. Чаще всего это решение, в какой-то степени обеспечивающее мир и спокойствие, находилось в выплате дани определенной группе номадов с таким расчетом, чтобы те защищали земельные территории от нападений других номадов [Khazanov, 1984, p. 263], но и такой заслон отнюдь не всегда был надежен [Lattimore, 1962, p. 147].

Никакие договоры и выплаты не гарантировали земледельцам полного спокойствия на границах их владений; нападения номадов, пусть в некрупных масштабах, все равно продолжались. Любопытно, что такую ситуацию описывают авторы, абсолютно различные по культуре и времени жизни: греческие мыслители, китайские хронисты, европейские путешественники. В своем диалоге «Токсарид или дружба» Лукиан Самосатский, древнегреческий писатель-сатирик (около 120–190 гг.), написал, что на территорию Боспорского государства нападения совершали отдельные отряды скифов, которые названы «разбойниками», так что за их действия остальные скифы ответственности не несли [Luc. Тох. 49]. В китайских источниках описывается аналогичная ситуация. Посланники императора задали вопрос шаньюю хуннов, почему вопреки имеющемуся договору на границы империи продолжают нападения. Шаньюй в ответ на это заявил, что набеги производят «негодяи из народа», которые поступают подобно мятежникам в Китае [Бичурин, 1950а, с. 110]. Сравнивая своих «негодяев из народа» с китайскими мятежниками, он, конечно, указывал на то, что те не подчиняются центральной власти, а значит его вины в их действиях нет и быть не может. В значительно более позднее время Г. Боплан писал, что

---

⁹ В научной литературе тезис о военном преимуществе номадов над армиями оседлых обществ оспаривается редко [Asad, 1973, p. 71; ср.: Cole, 1981, p. 131-133]. Объяснение такой ситуации кроется, вероятно, не в стремлении сторонников этой концепции казаться оригинальными, а в ограниченности узко регионального взгляда на проблему.

весьма опасные набеги на соседей производятся «татарскою вольницею», обитавшей на Буджакской равнине между устьями Днестра и Дуная и не подчинявшейся ни хану крымскому, ни султану турецкому [Боплан, 1832, с. 53]. Такие «вольницы», надо полагать, существовали в степных анклавах всегда, что в значительной степени осложняло нормальное сосуществование номадов с оседлыми обществами.

Некоторые советские исследователи полагали, что рядовые скотоводы отправлялись в поход по воле своих племенных вождей без особой охоты, чуть ли не насильно. Как писал А.М. Бернштам, воинская повинность для кочевников была своеобразной формой эксплуатации [Бернштам, 1946, с. 128; ср.: Кычанов, 1997, с. 297], или, по словам И.Я. Златкина, «тудящиеся-кочевники не были заинтересованы в войнах» [Златкин, 1973, с. 70]. Современные исследования демонстрируют противоположную ситуацию: для рядовых номадов война была важным, а нередко и единственным способом поддержать экономическую независимость и достойное существование, а для обедневших кочевников – достичь его. Рядовые номады порой даже оказывали давление на вождей, требуя от них организовать поход против кого-нибудь из соседей [Крадин, 1993, с. 202-203; 2002, с. 119].

Военная угроза со стороны номадов для оседлых обществ и государств была, так сказать, постоянным фактором, и удар с их стороны мог быть нанесен в любое, самое неожиданное для земледельцев время¹⁰. Чрезвычайно показательным в этом отношении является суждение церковного писателя XII в. Евстафия Солунского о набегах половцев на византийские земли. Этих кочевников он называл народом скифским и писал о нем: «В одно и то же время он близок и уже далеко отступил. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз» [см.: Васильевский, 1872, с. 120]. Подготовиться и достойно встретить столь подвижного врага было почти невозможно.

По этой причине кочевники, угрожая нападением, часто шантажировали своих соседей, требовали у них выплаты «обычной» дани или же откровенно вымогали сверхординарные «подарки» и пр. Надо признать, что оседлые государства очень часто шли на такие выплаты, поскольку были не в состоянии эффективно противостоять неожиданным ударам кочевников. Даже могучий Китай, как уже частично говорилось выше, вынужден был проводить именно такую политику. Т. Барфилд в связи с этим заметил, что, в принципе, китайцы могли придерживаться по отношению к степнякам трех вариантов поведения [Barfield, 2001, p. 16]:

---

¹⁰ Для понимания особенностей грабительских походов номадов против оседлых обществ важное значение имеют рассказы европейцев о Крымском ханстве [см.: Боплан, 1823, с. 43-44, 47-58; Де-Люк, 1879, с. 480-481; Д'Асколи, 1902, с. 123-124; Литвин, 1994, с. 65-66]. Все они, в общем, солидарны в том, что татар можно было бы отразить, «если бы не их уловки, хитрость и коварство» [Литвин, 1994, с. 68].

1. Укреплять границы и игнорировать требования номадов.
2. Атаковать кочевников в открытой степи.
3. Замирить номадов с помощью договоров, обеспечивающих для них поступление крупных субсидий и открытие пограничной торговли.

Каждый из этих трех вариантов имел свои плюсы и минусы, тем не менее, китайцы, обладая людским и экономическим потенциалом, намного превосходящим кочевников, имея хорошо оснащенную, многочисленную армию и т.п., вынуждены были предпочесть именно третий и, казалось бы, самый дорогостоящий, не выгодный для себя вариант. Однако большая война со степняками стоила еще дороже, поскольку требовала огромных армий, введения новых налогов и т.д. [Barfield, 2001, p. 17], к тому же она совсем не гарантировала безусловной победы над врагом. По мнению В.Г. Григорьева удача в таких войнах могла быть достигнута в двух случаях: во-первых, когда кочевники страдали от неблагоприятных условий (бескормица, падеж скота и пр), а во-вторых, когда союзниками земледельцев или руководителями их войск выступали сами кочевники, точнее те их группировки, которые были враждебны противникам земледельцев [Григорьев, 1875, с. 22-23]. Это мнение уважаемого исследователя, безусловно, заслуживает самого серьезного внимания.

Нет сомнения, что относительно долговременный успех Китаю могла бы гарантировать молниеносная победоносная война, но достичь такого результата было чрезвычайно трудно. Дело в том, что кочевники могли просто уклониться от боевых действий, отойдя от границ империи в глубь степи [Lattimore, 1962, p. 147], обрекая армию вторжения на мучительные, смертельно опасные блуждания по незнакомой территории. Типичный сценарий такой войны с плачевным результатом для нападающей стороны, как хорошо известно, описан еще Геродотом в истории похода персидского царя Дария против скифов Северного Причерноморья [Herod. IV. 83-143; о нем см.: Мазетти, 1982; Черненко, 1984а; Эдаков, 1986; Полин, 1994; Алексеев, 2003, с. 162; Красножон, 2006; Sahbazi, 1982; Gardiner-Gerdner, 1987]. Отец истории описал также поход Кира против среднеазиатских кочевников (массагетов), который закончился разгромом персидской армии и гибелью царя [Herod. I. 201, 205-214; о нем см.: Пьянков, 1964; Дандамаев, 1985, с. 52-55; История Древнего Востока, 2004, с. 734-737]. Не менее печальная судьба ожидала в 331 или 330 г. до н.э. Зопириона, полководца Александра Македонского, о походе которого в Скифию и об осаде им Ольвии сохранились краткие сведения у древних авторов [Just. XII. 2. 16; Macrob. Saturn. I. 11. 32; Oros. IV. 19. 4; Curt. X. 1. 43-44]. В «Эпитоме сочинений Помпея Трога», составленной Юстином, говорится, что он погиб здесь вместе со всей армией [Just. XII. 2. 16]. Современные исследователи трактуют обстоятельства этого похода по-разному [см.: Доманский, 1985; Виноградов Ю.Г., 1989, с. 150 сл.; Гаврилюк, Черненко, 1991; Самойлова, 1993; Алексеев, 2003, с. 243-245], однако, слава победы над Зопирионом, как правило, связывается со скифами. О трудностях войн с кочевниками, как уже говорилось,

свидетельствует история Китая и, разумеется, весь опыт борьбы России с Крымским ханством вплоть до XVIII в. [Полин, 1994, с. 89-92].

Важнейший принцип китайской политики по отношению кномадам хорошо сформулирован в одном документе, датированном 140 г. В нем говорится: «Срединное государство спокойно и давно уже не знает войны. Противопоставив неприятелю лучшую конницу в поле, под тучею стрел решать победу – вот в чем в настоящее время состоит *преимущество кочевых иноземцев, а слабость Срединного государства* (выделено мною – Ю.В.). С тугим самострелом сидя на городской стене или в крепком окопе, упорно держаться и выжидать, пока неприятель ослабнет – вот в чем состоит *преимущество Срединного государства, а слабость кочевых иноземцев* (выделено мною – Ю.В.). Надобно более стараться о том, в чем преимуществуем, и смотреть на последствия; установить подкупы, открыть награды и обнародовать это для раскаивающихся...» [Бичурин, 1950а, с. 135].

В приведенном документе, как видим, основной упор в противостоянии номадам делается на надежность крепостных стен и на систему подкупа кочевой аристократии. С последним тезисом все понятно, и особые сомнения в необходимости коррумпирования потенциального врага вряд ли могут возникнуть. Столь же бесспорен и второй тезис, хотя всем известно, что абсолютно неприступных крепостей не существует, любая из них может быть захвачена тем или иным способом, но для этого нападающая сторона должна иметь большой практический опыт, набор осадных машин и т.п. Понятно, что и номады могли захватить хорошо укрепленные города неожиданным ударом, когда, к примеру, стража не успевала закрыть городские ворота; русские летописи называли такие нападения «изъездом» [Кучера, 1987, с. 171]. Если же такого не происходило и защитники города проявляли должную волю к противостоянию врагу, то кочевники приступали к пассивной осаде, перекрывая все пути, связывавшие город с внешним миром; опять же следуя русским летописям, такой способ действий можно назвать «обложением» [Кучера, 1987, с. 171]. Как показывают многочисленные исторические факты, номады не умели вести правильную осаду и штурм крепостей. В случае, если к защитникам города подходили крупные подкрепления, отряды кочевников немедленно отступали.

В.В. Каргалов, на мой взгляд, сильно преувеличил реальное положение дел, когда, описывая вторжение гуннов на запад, отметил, что стены европейских городов не выдержали ударов гуннских стенобитных орудий [Каргалов, 1967, с. 7]. На самом раннем этапе своего пребывания в Европе эти кочевники предпочитали преодолевать вражеские укрепления за счет неожиданных стремительных ударов [Никонов, 2002а, с. 275]. Аммиан Марцеллин даже отметил, что никогда не приходилось видеть, чтобы гунны штурмовали укрепления [Amm. Marc. XXXI. 2.8]. При Атиле, однако, от их нападений уже не могли устоять никакие оборонительные сооружения [Iord. Get. 210], и это

следует связывать с тем, что царь гуннов активно использовал на своей службе пленных и дезертировавших к нему римских военных специалистов [Никоноров, 2002а, с. 248, 276]¹¹. Арабы, по мнению Н.В. Пигулевской, вообще не могли брать обнесенные неприступными стенами города Месопотамии и Сирии, более того, они даже были не в силах справиться с самыми невысокими оборонительными стенами [Пигулевская, 1964, с. 225], что, впрочем, не помешало им провести грандиозные завоевания.

Татаро-монголы до покорения Китая тоже не умели штурмовать города и не имели для этого специальных орудий [Вернадский, 1997, с. 41]. Правда, позднее они с успехом применяли такие орудия: катапульты, тараны, зажигательные снаряды с нефтью и пр. [Рашид ад-Дин, 1946, с. 42-43, 49, 55-57; 1952, с. 201-202, 216, 224; Шихаб ад-Дин, 1996, с. 94], что в немалой степени облегчило для них борьбу с земледельческими государствами. Осадные машины при этом использовались монголами весьма искусно: при необходимости камнеметы усанавливались на корабли [Рашид ад-Дин, 1946, с. 42], в случае отсутствия камней для катапульт рубились и распиливались большие деревья [Раши ад-Дин, 1946, с. 42; 1952, с. 215]. Последнее свидетельство может показаться несколько фантастическим, поскольку на первый взгляд представляется почти бесспорным, что деревянные метательные снаряды не представляют угрозы для мощных городских укреплений. Однако в действительности все было не так просто. Шихаб ад-Дин, рассказывая об осаде Хорезма, сообщает: «Когда они (татары – Ю.В.) увидели, что в Хорезме и его области нет камней для катапульт, они нашли там в большом изобилии тутовые деревья с толстыми стволами и большими корнями. Они стали вырезать из них круглые куски, затем размачивать их в воде, и те становились тяжелыми и твердыми как камни. [Татары] заменили ими камни для катапульт» [Шихаб ад-Дин, 1996, с. 131-132; перев. З.М. Буниятова].

Оценивая эти факты, следует признать, что большой опыт в осадных технологиях накапливался монголами постепенно, по мере боевых действий против оседлых государств [Храповичевский, 2004, с. 211-212]. Не совсем правильно при этом считать, что татаро-монголы просто научились у китайцев, переняли у них приемы осады городов [см.: Каргалов, 1967, с. 77]. Почти нет сомнений, что осадные орудия приводили в действие не воины-кочевники, а китайские, иранские и пр. специалисты. В летописи Рашид ад-Дина говорится, что в Китай для этого посылали гонцов с требованием доставить необходимое число «камнеметчиков, огнеметчиков и арбалетчиков» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 23]. Весьма любопытны также свидетельства Шихаб ад-Дина о боевых действиях в Хорасане. По его словам, всякий раз,

---

¹¹ В любом правиле, как известно, имеются исключения [см.: Артамонов, 2002 г., с. 95; Никоноров, 2002а, с. 275-276, прим. 77], но они не отменяют самого правила.

когда татарский отряд напал на какую-нибудь местность, «он собирал людей из окрестных деревень и двигался с ним к городу, где их силами ставили катапульты и пробивали бреши в стенах, пока не овладевали городом» [Шихаб ад-Дин, 1996, с. 92; перев. З.М. Буниятова]. У этого автора находим также рассказ о перебежавшем к татарам хорасанце Хабаше, которого те «поставили во главе вероотступников и поручили ему установку катапульт и управление пехотинцами» [Шихаб ад-Дин, 1996, с. 93; перев. З.М. Буниятова].

Несмотря на великолепную оснащенность своего войска, татаро-монголы прекрасно понимали сложность проведения военных кампаний, связанных с осадой городов, и часто приказывали побежденным срывать крепостные стены [Рашид ад-Дин, 1946, с. 29, 34, 39, 47]¹². Марко Поло, путешествуя по Китаю, заметил, что монголы запретили тамошним городам иметь оборонительные стены [Марко Поло, 1956, с. 280]. Католический монах Юлиан, очевидец татаро-монгольского вторжения в Европу, считал характерной для них чертой ведения войны то, что «на укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждают его же замок» [Аннинский, 1940, с. 88], но это свидетельство, в чем-то схожее с рассказами Шихаб ад-Дина, отражает несколько иной аспект данной проблемы.

Типичным способом защиты земледельческих народов от нападений кочевников было возведение всякого рода стен и валов, отсекающих пути нападения номадов на жизненно важные центры земледельческих государств. В качестве примеров такой практики можно привести Великую Китайскую стену, Дербент, русские засеки и т.д. [Григорьев, 1875, с. 19]¹³. В отношении Руси в этот список следует добавить так называемые Змиевы валы, возведенные в Среднем Поднепровье, как считается, в конце X – первой половине XI вв. Они располагались своего рода лабиринтом на наиболее опасном киевском направлении и, по заключению М.П. Кучеры, были «серьезным препятствием, широким фронтом перекрывавшим пути для проникновения подвижной легкой конницы» [Кучера, 1987, с. 171; ср.: Михайлова, 2006, с. 67]. По мнению исследователей, Змиевы валы были не только защитой от конных отрядов кочевников, но и препятствием для прогона их стад, не дававшим возможности расширить кочевья на север [Кучера, 1987, с. 185; Толочко, 1999, с. 67].

¹² Такая практика, впрочем, была характерна не только для кочевников. История Древней Греции тоже дает немало подобных примеров [см.: Thukid. III. 50. 1; IV. 51. 1; V. 83.2; Plut. Alk. 37; Plut. Lis. 14-15].

¹³ О древности такой практики можно судить из рассказа Геродота о возвращении скифов из Азии в Северное Причерноморье и об их борьбе с потомками «слепых рабов» [Herod. IV. 3]. Последние, как известно, вырыли широкий ров (τάφος) от Таврских (Крымских) гор до Метийского озера (Азовского моря), т.е. отсекали Восточный Крым. Отец истории писал только о рве, но, разумеется, трудно представить, чтобы добытая при этом земля не была использована для сооружения вала.

Виноградов Ю.А. Миграции кочевников Евразии...

Любопытно, что и сами кочевники использовали этот же способ защиты при войнах со своими соплеменниками. К примеру, когда у татаро-монголов разгорелась борьба между Хулагидами и Джучидами, хан Абака приказал построить вал и вырыть глубокий ров с северной стороны от Куры. Для защиты этих укреплений от нападений золотоордынских войск был выделен специальный отряд [Тизенгаузен, 1884, с. 204; 1941, с. 76, 82; Рашид ад-Дин, 1960, с. 68; см.: Закиров, 1966, с. 16].

Достаточно обычной практикой следует признать также расселение части кочевников на границах земледельческих государств. Им, естественно, вменялась в обязанность охрана и защита этих рубежей от степняков. Хороший пример такого рода из истории Византийской империи представляет акция Константина Мономаха, который попытался расселить печенегов на землях к западу от Дуная, имея надежду использовать печенежскую конницу в борьбе против турок-сельджуков. В.Г. Васильевский по этому поводу заметил: «Печенеги, живя среди болгарского населения под управлением своих родовых князей, признавая в то же время верховные права империи, не могли, конечно, сделаться вдруг оседлыми и спокойными подданными. Время от времени их бродячие шайки пускались грабить своих соседей и не церемонились выходить за границы земель, им указанных для кочевий» [Васильевский, 1872, с. 137].

Сходный опыт в истории Киевской Руси представляют «свои поганые»: торки, берендеи и др., объединившиеся в союз «Черных клобуков» [о них см.: Плетнева, 1958, с. 218-219; 1973; Михайлова, 2006, с. 74, 79-83]. Расселенные в южнорусском пограничье, они, однако, были не очень надежными подданными. Русские князья стремились к их безусловному подчинению, те же всеми силами пытались сохранить свою независимость или федеративную форму взаимоотношений. На этой почве неоднократно возникали конфликты [Толочко, 1999, с. 81, 84].

О том же самом свидетельствует история взаимодействий Китая с вассальными объединениями кочевников. В исторической перспективе такие взаимоотношения никогда не были особенно эффективными [Lattimore, 1951, p. 79]. Жесткий контроль подвижного мира кочевых племен вряд ли был по силам даже могучей Китайской империи, а вмешательство в их споры и междуусобицы вообще могло привести к краху всей системы вассальных отношений. В общем, «пограничные люди» были готовы принять формальную сторону подчинения земледельческим государствам, но его содержание было для них абсолютно чуждо. Не удивительно по этой причине, что в глазах земледельцев они всегда сохраняли репутацию дерзких и коварных варваров [Barfield, 1992, p. 3].

О больших проблемах, с которыми сталкивались армии оседлых государств в борьбе со степняками уже говорилось выше. Тем не менее С.А. Плетнева в истории средневековой Руси сумела указать на ряд удачных военных акций против половцев [Плетнева, 1981, с. 58; 1982, с. 30, 57-58; ср.: Толочко, 1987, с. 163; 1999, с. 112; Михайлова, 2006, с. 103-104]. По ее мнению, это

могло иметь место лишь тогда, когда русским князьям стали хорошо известны маршруты сезонных перекочевок номадов, районы их зимних пастбищ и т.д. Успех походов в глубь степей обеспечивал то, что удары наносились весной, когда кочевники еще не оправались от тяжелой для скотоводов зимы, когда их стада были отягчены молодняком, т.е. когда номады теряли свою подвижность¹⁴. Признавая справедливость выводов авторитетной исследовательницы, следует еще раз подчеркнуть, что такие походы без знания районов зимних пастбищ номадов вряд ли имели особые шансы на успех. Впрочем, задолго до С.А. Плетневой, еще во второй половине XIX в., к сходному выводу пришел М.А. Терентьев, оценивавший современные для него результаты российского проникновения в Среднюю Азию. Один из важнейших выводов, связанных с этим проникновением, сводится к тому, что «ни султаны правители, ни летучие отряды, ни кротость, ни жестокость, ни дипломатия, ни сила – ничто не в состоянии подчинить нам киргизов, пока их летовки и зимовки не будут в наших руках» [Терентьев, 1875, с. 13].

Подводя итог сказанному, следует признать, что для противостояния натиску из степей оседлые народы и государства вынуждены были напрягать все свои силы, используя как военные, так и дипломатические факторы, активно подкупая кочевую аристократию, переманивая часть номадов на свою сторону и т.д. Военное противостояние, однако, не исчерпывает всего спектра взаимоотношений двух миров, и представление об истории кочевников как о серии бесконечных войн и перемещений из одной области в другую [Лашук, 1973, с. 88], в общем, несколько преувеличено. Войны сменялись периодами относительного затишья [Марков, 1981, с. 86]. Выше говорилось, что период «завоевания родины» у номадов сменялся относительно стабильным и в плане взаимоотношений с оседлыми земледельческими народами сравнительно конструктивным этапом. Тогда чрезвычайно важную роль начинали играть мирные экономические связи, они, однако, отличались значительным своеобразием.

IV.2. Номады и земледельцы в мирной обстановке

Периоды замирения степи ни в коем случае нельзя признать ни абсолютно спокойными, ни слишком продолжительными. Даже если между номадами и земледельческими государствами имелись соответствующие договоры о размерах дани, количестве и качестве подарков, поставляемых в ставки владык степей, и т.д., напряжение могло возникнуть в любой момент. Один из хуннских вождей, к примеру, угрожал китайцам, что в случае недостаточности или дурного качества этих подарков, на них осенью

---

¹⁴ Оптимальным временем для походов кочевников против земледельцев была, конечно, осень. Тогда труды животноводческого цикла в значительной степени были закончены, кони были сильны, а земледельцы уже убрали свои поля, и у них было чем поживиться [Barfield, 1992, p. 24].

будет послана конница «потоптать хлеб на корню» [Бичурин, 1950а, с. 59]. Этот пример с полной наглядностью доказывает, что подарки играли важную роль для предотвращения ненужных земледельцам войн.

В отношении подарков необходимо добавить несколько слов, поскольку они являлись характерной и даже универсальной формой обмена в архаических обществах [см.: Мосс, 1996, с. 83 сл.]. С формальной стороны этот обмен состоял из трех элементов: давать – брать – возвращать, при этом компенсирующий дар (возвращение) был весьма и весьма важен. Поскольку в даре была заложена, как тогда считалось, магическая сила дарителя, то «отдарок» был абсолютно необходим, при этом он должен был быть, по меньшей мере, равноценным подарку. Отсутствие или неполнота возврата ставила получателя в зависимое положение по отношению к дарителю, это могло привести к возникновению враждебности и даже войнам. Есть все основания считать, что система «подарок-отдарок» являлась целостным социальным феноменом, благодаря которой сохранялся мир, достигались взаимоотношения дружбы и солидарности [Кривошеев, 2006, с. 179-180]¹⁵.

Важным регулятором взаимоотношений мира цивилизации и мира степных кочевников, разумеется, был институт династических браков. Выше уже говорилось (см. главу 2.1), что к владыкам номадов направлялись китайские принцессы различных уровней их сложной иерархической лестницы [Бичурин, 1950а, с. 52, 69, 76; 1950б, с. 157; Материалы по истории, 1984, с. 288]. Такая практика, разумеется, была характерна не только для взаимоотношений хуннов и китайцев.

Еще одним регулятором взаимоотношений двух миров, призванным обеспечить спокойствие на границах, несомненно, был институт заложничества. Опасаясь беспокойных соседей, земледельцы, вероятнее всего, специально оговаривали положение, при котором к ним «на воспитание» присылались сыновья вождей номадов. По этой причине не удивительно, что к двору императоров Поднебесной неоднократно посылались сыновья вождей хуннов [Бичурин, 1950а, с. 69, 99, 132]. Как можно полагать, это был старший сын, наследовавший престол. В китайских хрониках имеется сообщение о том, что после смерти шаньюя император отпустил заложника в орду, но на смену ему был послан другой, так что братья встретились по дороге [Бичурин, 1950а, с. 119].

---

¹⁵ Весьма показателен в этом отношении разговор, состоявшийся между китайским императором Гао-цзы (471-499 гг.) и его посланником к номадам. Чиновник заметил, что варвары вели себя очень неучтиво и по этой причине надо бы отказаться от их подарков. Император в ответ на это сказал: «Подношение предметов, выращенных на поросших травой землях, – постоянное правило для наших слуг. Отказаться от его подношений – значит оттлкнуть его от себя. Тогда, если бы он захотел исправиться, дорога к этому для него была бы закрыта» [Материалы по истории, 1984, с. 225; перев. В.С. Таскина]. По той же самой причине некоторые варварские вожди, совершившие негодные для Поднебесной деяния, порицались, но все-таки получали обычные дары, к примеру, 120 кусков шелковых тканей [Там же].

Отвлечемся, однако, от этих аспектов сосуществования двух миров и обратимся к более фундаментальным проблемам экономических взаимоотношений. «Пусть ваши овцы будут жирными!», – так звучит традиционное приветствие скотоводов Монголии, уходящее корнями в глубокую древность [Жуковская, 1990, с. 10]. Это не удивительно, поскольку главное богатство кочевников Евразийских степей всегда заключалось в их стадах, прежде всего, в конях и мелком рогатом скоте [Потапов, 1954, с. 72; Марков, 1976, с. 282; Барфилд, 2002, с. 60-61; Lattimore, 1951, p. 73ff.; Gribb, 1993, p. 34-37]. Со своими стадами они могли передвигаться по маршрутам сезонных перекочевок из района летовок в районы зимников и обратно, при этом амплитуда кочевания, т.е. расстояние между двумя крайними точками, могла сильно варьировать в зависимости от местных условий, достигая 1000 км [Народы Средней Азии и Казахстана, 1963, с. 354; Марков, 1976, с. 209, 283; Масанов, 1989, с. 73; Khazanov, 1984, p. 52]. Такую систему подвижного скотоводства, в принципе, можно трактовать как оптимальную форму экономического освоения зоны степей и полупустынь с их высокопродуктивными кормовыми угодьями [Массон, 1989, с. 85]. Следует особо подчеркнуть, что в обычной обстановке маршруты передвижения кочевников были строго определены, пользование пастбищами и источниками воды регламентировано [Владимирцов, 1934, с. 42-43; Федоров-Давыдов, 1966, с. 196-197; 1976, с. 41-42; Ванштейн, 1972, с. 57; Марков, 1976, с. 74, 86; Кшибеков, 1984, с. 94-95; Оразов, 1985, с. 103-105; Таиров, 1993, с. 4; Барфилд, 2002, с. 62-64; Khazanov, 1984, p. 38, 50-51; Barfield, 1992, p. 22]. Г. де Рубрук писал о татаро-монголах, что «всякий (их) начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью» [Гильом де Рубрук, 1993, с. 79]. Такое положение, конечно, было характерно для всех кочевых народов, в противном случае в системе кочевого скотоводства воцарился бы полный хаос [Шахматов, 1964, с. 33].

Кочевая экономика, однако, никогда не могла быть самодостаточной, автаркичной, и по этой причине номады стремились всеми возможными способами добыть дополнительные средства к существованию. Даже при нормальном функционировании кочевой экономики многое зависело от других, главным образом, оседлых обществ, которые, по выражению А.М. Хазанова, создавали своего рода «гарантийный фонд», необходимый для жизнеобеспечения номадов [Хазанов, 2002, с. 39, 41]. Дополнительные средства могли быть получены различными путями: обмен с земледельцами, участие в международной торговле (сопровождение караванов и пр.), наемничество и т.д. [Крадин, 1991, с. 304; 1992, с. 60-61; 1995а, с. 174; Хазанов, 2002, с. 44; Khazanov, 1984, p. 224-226]. О грабительских набегах, обложении земледельцев данью, вымогании у них «подарков», а также о завоеваниях и прямом подчинении оседлых народов уже было сказано выше.

не ради получения коммерческой выгоды, а ради самого их существования [Khazanov, 1984, p. 212]. Такое положение стало одной из причин того, что культурное различие в мире кочевников, по мнению Т. Барфилда, во многом определялось тем обстоятельством, какой центр оседлых цивилизаций являлся для них основным партнером: Китай, Иран или Европа [Barfield, 1992, p. 20].

Еще раз возвращаясь к Китаю, следует признать, что эта империя в идеале вполне могла быть автаркичной, однако торговля со степью здесь существовала почти всегда и запрещалась лишь периодически. Эта торговля была явно направлена не на получение каких-то крупных экономических выгод для китайцев, а на замирение опасных соседей [Barfield, 2001, p. 201]. О. Латтимор называл ее *gift-trade*, считая, что она была политическим, а не экономическим фактором [Lattimore, 1962, p. 483; ср. Khazanov, 1984, p. 206].

Понимание экономических связей кочевников с земледельцами, как видим, сопряжено с целым рядом очень непростых проблем. В научной литературе они, однако, порой стали трактоваться в сугубо функциональном аспекте. Ж.-П. Дигар, к примеру, рассматривает взаимодействие кочевых и оседлых народов в экономической сфере как форму производственной специализации, хотя участники этого взаимодействия, по его мнению, не могли в равной степени получать выгоды от сотрудничества [Дигар, 1989, с. 42]. Сходным образом понимает эту проблему Б.В. Андрианов, он пишет: «Между зоной кочевников и оседлых земледельцев устанавливались своеобразные формы взаимного экономического приспособления, разделения труда, торгового обмена, общественно-политического и культурного взаимодействия...» [Андрианов, 1989, с. 20]. Г.Е. Арешян также склонен говорить о роли кочевников в межэтническом разделении труда [1989, с. 23]. Наметилась даже тенденция рассматривать кочевников и оседлых земледельцев как своего рода полярные комплиментарные оппозиции [Mohammed, 1973, p. 97 ff.], как «сектора» единой экономики [Barth, 1973, p. 12; Swidder, 1973, p. 23 ff.] и т.п. Все эти разговоры о межэтническом разделении труда или своего рода трудовой кооперации между кочевниками и земледельцами, возможно, имеют смысл для отдельных ситуаций в конкретных районах, но в общеисторическом плане для пояса Евразийских степей они вряд ли хоть сколько-нибудь продуктивны.

Дело в том, что оседлый крестьянин, как писал В.В. Радлов, беззащитен перед кочевником [Радлов, 1998, с. 341]. При конфликтах внутри кочевых сообществ, угоне скота и т.п. кочевники могли выследить обидчиков, собрать необходимые силы и защитить свои права, а вот у крестьян в подобном конфликте с подвижными скотоводами это вряд ли получалось. По этой причине «среди оседлого населения кочевники слывут разбойниками и ворами и считаются нежелательными соседями» [Радлов, 1998, с. 341]. Ситуация, описанная В.В. Радловым, представляется достаточно типичной, а значит о «полярной комплиментарности» при таком положении можно предполагать лишь с очень большой натяжкой. В этом плане большего внимания заслуживают идеи,

обычай «кормления» войска [Виноградов Ю.Г., 1989, с. 104]. Столь же типичная ситуация отражена в декрете в честь Протогена, в котором, в частности, говорится о царе сайев Сайтафарне, донимавшем ольвиополитов своими поборами, откровенными вымогательствами и т.д. [IOSPE. I². 32; об этом см.: Латышев, 1887, с. 113 сл.; Виноградов Ю.Г., 1989, с. 181-183; Виноградов, 1999, с. 70-75].

Все эти факты, однако, не позволяют делать более широких заключений. Среди последних следует привести гипотезу Р.Б. Исмагилова, посчитавшего, что Боспор со времени Спартокидов являлся типичным примером кочевой империи [Исмагилов, 1993, с. 64]. В рассуждениях этого исследователя очень нелегко понять, каким образом государство, бывшее в своей основе греческим и при Спартокидах ставшее греко-варварским, превратилось в кочевую империю. Выше говорилось, что кочевые империи, по большей мере, создавались в результате завоевания кочевниками обширных территорий, населенных оседлыми народами. В принципе, имеются все основания считать таковой Великую Скифию, сугубо априорно можно полагать даже, что Боспор мог быть ее частью. Однако о завоевании Боспора кочевыми скифами нам ничего неизвестно, государство управлялось своими архонтами/царями, с которыми скифы поддерживали тесные, союзнические отношения. Таким образом считать Боспорское государство империей или ее частью у нас нет решительно никаких оснований.

Неудивительно, что в истории взаимоотношений греческих государств северного Понта можно найти немало примеров, связанных с серьезными военными конфликтами с кочевниками. Кроме свидетельств письменной традиции, на это довольно четко могут указывать некоторые археологические данные: следы пожаров и разрушений на поселениях, запустение сельской округи городов, усиление фортификационного строительства, появление в некрополях погребений людей с признаками насильственной смерти (к примеру, с наконечниками стрел варварских типов, застрявших в костях) и т.д.

Некоторые исследователи при реконструкции военно-политической ситуации в окрестностях греческих государств, к примеру, Ольвии, порой указывают, что концентрация варварских курганов на границах государства может быть увязана с усилением военной напряженности [Марченко, 1980, с. 142, прим. 58; Виноградов Ю.Г., 1989, с. 107, прим. 114]. Другие авторы, наоборот, отрицают факт такой угрозы для греков со стороны кочевников по той причине, что в близлежащих степях отсутствуют варварские курганы рассматриваемого времени, а значит номады кочевали где-то далеко и не могли представлять особой опасности [Крапивина, 1993, с. 146; Масленников, 1996, с. 62-63]. На мой взгляд, все эти рассуждения в высшей степени сомнительны, ибо кочевники могли совершать нападения с весьма отдаленных территорий, и наличие или отсутствие их погребений поблизости от греческих городов вообще не может свидетельствовать о характере военно-политической ситуации в районе [ср.: Крыжицкий, 2002, с. 209].

В связи с этим можно указать на более отдаленную историческую параллель: Крымское ханство на протяжении веков совершало грабительские походы на Россию и Польшу, но погребений крымских татар в окрестностях Москвы для подтверждения или опровержения летописных сведений, как будто, никто до сих пор искать не пытался, да и делать этого не следует.

В приведенном перечне археологических признаков ухудшения военно-политической ситуации необходимо обратить особое внимание на запустение сельской территории в окрестностях греческих городов. Нет сомнения, что при нападениях неприятеля сельские поселения были намного более уязвимы, чем защищенные стенами города. Они в большом количестве возникали в благоприятной, мирной обстановке и исчезали при ее ухудшении. Не следует считать, конечно, что все они непременно сжигались нападающими; дело здесь не в отдельных военных акциях, а в масштабах военной угрозы, в той неблагоприятной военно-политической обстановке, которая складывалась в степях. Кардинальные перемены на сельской округе можно связывать только с очень серьезной, продолжительной угрозой для жизни на сельских поселениях, исходившей со стороны кочевников [ср.: Braund, 2007, p. 62, 71]. В этом плане огромный интерес представляют результаты изучения воздействия военного фактора на состояние сельского хозяйства Древней Греции. Всем известно, что войны и кровавые междоусобицы были постоянными спутниками древнегреческой истории, в такой обстановке жизнь за пределами укреплений, казалось бы, была абсолютно невозможной. Однако это не так, и В.Д. Хэнсон правильно указывает, что отдельные акции вражеских армий не могли сказаться на сельском хозяйстве катастрофическим образом. Даже регулярные вторжения на территорию Аттики спартанских войск во главе с Архидамом на первом этапе Пелопоннесской войны не разрушили полностью ее сельскохозяйственную структуру [Hanson, 1998, p. 15, 140; ср.: Foxhall, 1995, p. 134-135]. Ситуация становилась совсем другой, когда сельские территории страдали от продолжительной нестабильности, тяжелого налогообложения, грабежей, потерь рабочей силы и т.п. [Hanson, 1998, p. 16]. Для греческих колоний Северного Причерноморья ситуация такой продолжительной нестабильности, как представляется, наступала тогда, когда в степях региона очередная волна кочевников начинала завоевание своей новой родины¹⁶.

Есть все основания считать, что активное освоение сельскохозяйственных территорий, выражающееся в возникновении вдали от городов большого количества различного рода поселений, вело к увеличению количества товарного хлеба, находящегося в распоряжении земледельцев. Иными словами можно сказать, что стабильные мирные отношения с кочевниками имели

---

¹⁶ Подобная ситуация, разумеется, была характерна не только для античной эпохи. А.Л.Якобсон обоснованно указывал на связь истории раннесредневековых поселений Восточного Крыма с положением в степях [Якобсон, 1958, с. 497, 500].

своим результатом рост хлебного экспорта из греческих городов Северного Причерноморья. Невозможно в этом отношении согласиться с В.А. Кутайсовым, писавшим, что «любые неурядицы в Скифии создавали благоприятные условия для увеличения хлебного экспорта эллинов» [Кутайсов, 2002, с. 294]. Ситуация, скорее всего, была диаметрально противоположной.

Вновь возвращаясь к военному аспекту взаимоотношений греков с кочевниками, зададимся вопросом: каким образом они могли сохранить свои города-государства в обстановке периодически возникавшей нестабильности? Как представляется, нападением варваров греки противостояли обычным для себя образом, защищая городские стены или же выступая за их пределы. Вряд ли можно сомневаться в том, что скифы или иные кочевые народы региона могли захватить укрепленные города неожиданным ударом, но столь же уверенно можно считать, что вести правильную осаду городов и штурмовать их они не умели и, вероятнее всего, так никогда и не научились. Такое положение, как говорилось выше, было типично и для кочевых народов других областей. По этой причине укрепления греческих городов, какими бы несовершенными они не казались нам поначалу, в принципе, давали надежную защиту для колонистов.

В связи с этим можно указать на то, что греческая фортификация Северного Причерноморья вообще отличается известной консервативностью, в ней почти не представлены передовые нововведения, характерные для крепостного строительства Средиземноморья (ворота сложной конструкции, рвы, протейхизмы и пр.), вплоть до времени Митридата Евпатора не имеется убедительных материалов об использовании каких-либо осадных механизмов и т.п. В.М. Иванов считает, что в таких нововведениях отсутствовала особая необходимость [Иванов, 2005, с. 21], и с ним вполне можно согласиться. Угроза для греков всегда исходила, в основном, от местных варварских племен, в первую очередь, от кочевников, не умевших вести правильную осаду и штурмовать городские укрепления. Как известно, развитие фортификации с одной стороны, и осадной техники – с другой, всегда находилось в состоянии взаимообусловленности. Прогресс в одной из составляющих вел к адекватному изменению в другой; на «вызов» находился «ответ». Складывается впечатление, что в античном Северном Причерноморье особых «вызовов» к совершенствованию фортификации долгое время не было. По всей видимости, именно этим следует объяснять столь явный консерватизм, отсутствие заметного прогресса в оборонительном строительстве местных городов V–II вв. до н.э.

В случае столкновений с неприятелем в открытом поле греки, конечно, строились фалангой [о ней см.: Андреев, 1993; Нефедкин, 2004; Lorimer, 1947; Detienne, 1968; Van Wees, 2000]. Такое построение воинов сложилось в Древней Греции к VII в. до н.э., т.е. задолго до освоения греками северного берега Черного моря, и представляло собой линейный боевой порядок, состоящий из нескольких шеренг тяжеловооруженных пехотинцев. Недостатков у фаланги, конечно, было немало, но достоинства ее в сравнении с боевыми порядками

но и умению договариваться с варварами, и они, как представляется, овладели этой наукой в совершенстве. По одной из версий, сохранившейся в древней письменной традиции, место для основания Пантикапея было получено от скифского царя (St. Byz. s.v. Παντίκαπαιον).

В серьезных военных конфликтах греки обычно опирались на поддержку союзных варварских народов, в основном, кочевых [Polyaen. VI. 9. 4; Diod. XX. 22-24]. Такая поддержка, как представляется, обходилась для греков совсем не дешево, благорасположение варварской элиты можно было приобрести только с помощью очень дорогих подарков. По этой причине некоторые из драгоценных изделий греческих торевтов, обнаруженные в «царских» курганах Северного Причерноморья следует рассматривать как «дипломатические дары», служившие важным элементом регулирования отношений между античными центрами и варварским миром [Wells, 1980, p. 72, 77; Яковенко, 1985, с. 27; 1986, с. 51-52]. Выше говорилось о своеобразии обычая дарений в архаических обществах, о силе подаренной вещи, о достигаемой с помощью нее «духовной власти» дарителя и пр. [Мосс, 1996, с. 83]. Для античного общества все эти сюжеты остаются практически неисследованными, хотя важность их не вызывает сомнений. В связи с этим можно напомнить пассаж из «Никомаховой этики» Аристотеля, в котором рассказывается об одном щедром гражданине. По поводу его действий Аристотель отметил, что «подарки чем-то похожи на посвящения богам» [Arist. EN. 1123a 5; перев. Н.В. Брагинской].

Выше говорилось также, что важным инструментом регулирования взаимоотношений между земледельческими государствами и номадами являлась система династических браков. Любопытно в этом отношении, что скифский царь Скил, по сообщению Геродота, родился от женщины из греческого города Истрия [Herod. IV. 78. 1], хотя Отец истории о матери царя ничего более определенного не сообщил. Сведения о распространенности династических браков на Боспоре между Спартокидами и элитой варварских народов относятся к довольно позднему времени. Эпиграфические данные позволяют предполагать, что во второй четверти II в. до н.э. боспорская царица Комосария была замужем за Арготом [КБН. 75]. Аргот – это иранское аристократическое имя [Виноградов Ю.Г., 1980, с. 92 сл.], так что имеются веские основания считать, что Комосария вступила в брак с представителем скифской династии [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 61]¹⁷. Другой документ такого рода – жертвенный стол с надписью, открытый при раскопках святилища на горе

¹⁷ Такое предположение нашло полное подтверждение в стихотворной надписи в честь Аргота, открытой в Неаполе Скифском [Виноградов, Зайцев, 2003, с. 44 сл.; Зайцев, 2003, с. 43, 52, 110-111]. Ю.П. Зайцев предполагает, что брак с боспорской царицей стал началом политической карьеры Аргота [Зайцев, 2003, с. 43]. После ее смерти он, вероятно, переехал к Скилуру, сделал многое для укрепления скифского государства и удостоился чести быть погребенным в столице Крымской Скифии.

Митридат [Толстиков, 1987, с. 88 сл.; Виноградов Ю.Г., 1987, с. 55 сл.]. На нем начертано посвящение дочери Скилура, т.е. царя Малой Скифии, которая была замужем за Гераклидом. В супруге знатной скифянки исследователи чаще всего видят представителя боспорской аристократии, скорее всего, члена царской фамилии [Виноградов, Молев, Толстиков, 1985, с. 590-591].

Есть все основания считать, что представители элиты Боспорского царства в опасные моменты могли найти защиту у союзных варваров. Диодор Сицилийский, в частности, сообщает, что царевич Перисад, спасая жизнь от преследований своего дяди Евмела, бежал к скифскому царю Агару [Diod. XX. 24]. У Лукиана Самосатского говорится, что Евбиот [прототипом для образа которого, может быть, стал тот самый Евмел – см. Виноградов, 2003, с. 88] до воцарения на боспорском престоле находился у савроматов [Luc. Tox. 54]. Трудно сказать, имеется ли возможность интерпретировать последнее сообщение как указание на существование в это время (конец IV в. до н.э.) института заложничества, когда наследные принцы Боспора направлялись к правителям самых сильных объединений кочевников Северного Причерноморья, однако и исключать вероятность такой практики тоже вряд ли допустимо.

Весомые основания для предположения о существовании традиции передавать «на воспитание» правителям Боспора детей скифской элиты является знаменитый декрет в честь Диофанта [IOSPE. I². 352]. В этом документе, как известно, говорится о выступлении против боспорского царя Перисада V («Последнего») скифов во главе с Савмаком, которые, вероятнее всего, были недовольны достигнутой Диофантом договоренности о передаче власти над Боспором понтийскому царю Митридату VI Евпатору. Во время восстания они убили Перисада, «вскормившего его», а Диофант сумел спастись, собрать необходимые военные силы и провести успешную карательную акцию. В результате этой акции он «виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство» [IOSPE. I². 352. 41-42], т.е. в Понт. В научной литературе большую полемику вызвало то место декрета, в котором говорится, что скифы во главе с Савмаком убили Перисада, «вскормившего его». Традиционно это выражение относили к Савмаку, который, соответственно, совершил страшное злодеяние, подняв руку на своего благодетеля, сам он при этом рассматривался как скифский царевич, получивший воспитание при дворе боспорского царя [Момзен, 1994, с. 201, прим. 1; Brandis, 1897, Sp. 774; Minns, 1913, p. 520, 582; Rostovtzeff, 1932, p. 229; McGing, 1986, p. 53]. Академик С.А. Жебелев в слове «вскормившего» усмотрел указание на рабскую принадлежность Савмака, а само восстание стало трактоваться им как выступление рабов. Это проявление классовой борьбы на Боспоре было поставлено в ряд других крупных рабских восстаний, потрясших античный мир [Жебелев, 1933; 1953, с. 82 сл.; ср.: Diehl, 1935, Sp. 653 ff.; Gajdukevič, 1971, S. 303 ff.]. У этой гипотезы, естественно, нашлись

противники, аргументы которых сейчас представляются весьма сильными [см.: Robinsohn, 1980]. Неудивительно, что Ю.Г. Виноградов видел в восстании Савмака дворцовый переворот, осуществленный полуварварской верхушкой Боспорского царства, во главе которого стоял скифский царевич, воспитанный при дворе [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 79-80, 86]. Все это, к сожалению, не дает надежных оснований для суждения о времени появления на Боспоре самого института «вскармливания», но, как представляется, он сложился здесь ранее второй половины II в. до н.э.

Первостепенным фактором межэтнических связей, безусловно, всегда была торговля. Можно считать, что весьма объективная картина торговых связей греков с кочевниками обрисована Страбоном, который в отношении Танаиса заметил, что номады доставляли сюда рабов, шкуры и «разные другие товары кочевников», а греки «привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни» [Strab. XI. 2. 3; перев. В.В. Латышева]. Танаис при этом был вторым по значимости торжищем у варваров после столицы Боспорского царства – Пантикапея [Strab. VII. 4. 5].

Интерпретация археологических фактов, свидетельствующих о торговле греков с номадами, однако, связана с немалыми трудностями. Прежде всего, при рассмотрении этих вопросов нельзя ограничиваться исключительно материалами, происходящими из окрестностей греческих городов, что, к примеру, сделал Т.С. Нунен в статье, посвященной основанию Пантикапея [Noonen, 1973, p. 81]. Это методически неверно. В силу подвижности кочевников, товары, которые они получали при торговом обмене с греками, могли попадать в самые отдаленные районы. Есть веские основания считать, что у номадов Северного Причерноморья во все времена господствовал так называемый меридианальный тип кочевания, при котором летние пастбища находились на севере, а зимники – на юге [Khazanov, 1984, p. 50]. Во всяком случае, именно такую картину рисует Страбон в отношении роксоланов [Strab. VII. 3.17], а Марко Поло, Платано Карпини и Амброджио Контарини в отношении татаро-монголов [Марко Поло, 1955, с. 88; Карпини, 1993, с. 61; Контарини, 1971, с. 220]. Как свидетельствуют этнографические наблюдения, именно при таком типе кочевания совершались максимально дальние перекочевки. Выше было сказано, что амплитуда кочевания при этом может достигать тысячи километров и даже более. По этой причине можно предполагать, что во время зимнего пребывания номадов в южном районе степей они могли приобретать у греков товары, которые летом перемещались вместе с владельцем на многие сотни километров к северу [Лапин, 1966, с. 74; Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с. 160].

Исходя из общих представлений о характере торговых связей кочевников с земледельцами, можно предполагать также, что для скифов и других номадов древности греческие колонии были важны, прежде всего, как центры земледельческого и ремесленного производства [ср.: Вахтина, 1989, с. 84].

Однако не все исторические эпохи в этом отношении в равной степени освещены археологическими материалами. К примеру, для архаического Боспора до сих пор имеется не слишком много соответствующих данных. Тем не менее, в Пантикапее все-таки удалось открыть остатки четырех мастерских второй половины VI – начала V вв. до н.э., важную часть продукции которых составляло оружие, защитные доспехи и детали конской сбруи. Все эти изделия могли быть рассчитаны на сбыт в варварскую среду [Трейстер, 1988, с. 58-59]. Пантикапейская литейная форма, в которой, как считалось, отливались бляхи в зверином стиле [Марченко И.Д., 1962, с. 51 сл.; Блаватский, 1964, с. 40-41; Онайко, 1966, с. 164-165; Яковенко, 1976, с. 129], при специальном рассмотрении оказалась формой для отливки бутеролей (наконечников ножен) парадных мечей типа келермесских или мельгуновских, т.е. найденных в самых богатых погребальных памятниках периода скифской архаики [Трейстер, 1988, с. 46-48; 1992, с. 74-75; 1998, с. 131-132]. Н.А. Онайко предполагала также, что в боспорских мастерских были произведены мечи типа обнаруженных у хут. Шумейко и Томаковки [Онайко, 1966]. В общем, весьма вероятно, что на Боспоре могли производиться самые разнообразные изделия, находившие сбыт у кочевников, в первую очередь, предметы вооружения [Онайко, 1966, с. 159 сл.; Марченко И.Д., 1971, с. 146 сл.; Черненко, 1979, с. 185-186]. Конечно, в торговлю сразу стали вовлекаться, а со временем все в более и более крупных масштабах, вино и предметы роскоши, различные ювелирные изделия, в которых была заинтересована скифская племенная верхушка [Прушевская, 1955, с. 336; Вахтина, 1984, с. 9-10].

Еще раз следует обратить внимание, что на всем протяжении существования греческих колоний на берегах Черного моря грек-земледелец или грек-ремесленник для кочевника-скотовода был более предпочтительным торговым партнером, чем, скажем, греческий купец, продающий изящные вазы. Хрупкие вазы к тому же совершенно не приспособлены к кочевому быту. И если такие вазы все-таки вовлекались в обмен, то сам по себе этот факт может свидетельствовать о довольно значительном развитии торговли продуктами земледелия с одной стороны, и продуктами скотоводства – с другой, но эта торговля, по понятным причинам, не находит прямого отражения в археологических источниках [ср.: Кузнецов, 2000, с. 18 сл., 34; Roebuck, 1956, p. 132; Tsetskhladze, 1998, p. 53 ff.]. Данная гипотеза значительно отличается от довольно распространенной некоторое время назад точки зрения на греко-варварскую торговлю скифского периода, предполагавшей посредническую роль кочевой аристократии в поставке хлеба от туземных племен в греческие города [см.: Онайко, 1970, с. 81, 86; Артамонов, 1972, с. 59, 62; 1974, с. 113]. В настоящее время она нуждается в существенных оговорках, поскольку сам факт участия кочевников в транзитной торговле хлебом представляется вряд ли историчным. Совсем другое дело, что кочевая аристократия могла принимать

активное участие в экономическом развитии региона, способствуя трансформации хозяйственной системы контролируемых ими территорий в том направлении, которое требовалось их партнерам-грекам. Не удивительно, что выгоды от этой торговли были таковыми главным образом для варварской элиты.

V. Великая степь и Боспор Киммерийский

V.1. Динамика степей Евразии и периодизация истории Боспора Киммерийского

В последние годы в результате проведенных масштабных археологических исследований на памятниках Боспора, других античных центров Северного Причерноморья, а также сопредельных территорий, населенных варварскими племенами, стало возможным предложить схему исторического развития района, которая, отличаясь от привычного деления античной истории на архаическую, классическую, эллинистическую и римскую эпохи, конкретизировала бы ее, учитывала региональные особенности и наполняла местным содержанием. Предложенный подход, правда, не может считаться вполне новым. Хорошо известна периодизация истории Северного Причерноморья, разработанная В.Д. Блаватским [1959, с. 7 сл.]. В основу его схемы была положена идея социально-политического развития местных греческих государств, в частности, возникновение здесь такого явления как «протоэллинизм» и пр. Допуская возможность такой периодизации, хотелось бы подчеркнуть, что важнейшая из северопричерноморских региональных особенностей, наличие кочевнического фактора, в ней почти не нашла отражения. В наши дни уже не может быть сомнения в том, что для построения периодизации истории любого античного государства на северном берегу Черного моря первостепенное значение имеет изучение греко-варварских взаимоотношений в регионе и, прежде всего, вычленение этапов, связанных с продвижением сюда с востока новых и новых кочевых этносов.

Методика построения такой периодизации была предложена в серии работ, которые частью были подготовлены автором этих строк совместно с К.К. Марченко [Marčenko, Vingradov, 1989a; 1989b; Виноградов, Марченко, 1991; 2005], частью с К.К. Марченко и Е.Я. Роговым [Виноградов, Марченко, Рогов, 1997], а частью индивидуально, отражая определенные различия во взглядах соавторов на проблему [Марченко, 1996; Виноградов, 1999a; 2006a]. Отвлекаясь от этих различий, необходимо подчеркнуть, что объединяющий, стержневой момент нашей концепции заключается в попытке подхода к анализу истории Боспора и других греческих государств северного берега Понта как ответа или, скорее, серии ответов на вызовы, исходящие из степей. Вторжения кочевников из глубин Азии в Причерноморье, как было сказано выше, вели к дестабилизации военно-политической ситуации в регионе, к распространению кризисных явлений на сопредельные со степью территории, в том

числе и на греческие государства. Стабилизация обстановки в степях имела своим результатом рост экономики, развитие торговли и расцвет культуры¹⁸. Предложенная методика позволяет разделить историю Боспора VI в. до н.э. – III в. н.э. на девять основных этапов.

К сожалению, боспорская история в трудах древних историков и географов освещена весьма фрагментарно, в такой ситуации принципиальное значение приобретают результаты археологического изучения древних городов, сельских поселений, могильников и т.д. Однако, как хорошо известно, современная античная археология позволяет датировать раскопанные памятники в пределах четверти или трети столетия, более точные («узкие») датировки пока почти невозможны. Предлагаемая периодизация, базирующаяся, в основном, на данных археологии, закономерно имеет достаточно условные хронологические рамки многих из выделенных периодов. Иного сейчас предположить просто невозможно – присутствующие в сочинениях древних авторов точные даты событий, имевших в истории Боспора ключевое значение (480/79, 438/37, 310/9, 63 гг. до н.э.), представляют собой, скорей, исключение из общего правила.

Девять основных периодов истории Боспора античного времени можно кратко определить следующим образом:

1. Конец VII в. до н.э. – 480/79 г. до н.э. – период появления греков на берегах Керченского пролива, установления и развития их связей с местными племенами, время относительно мирных и стабильных взаимоотношений в регионе.

2. 480/79 – 438/37 гг. до н.э. – период дестабилизации, усиления агрессивности скифов, вызванной, очевидно, вторжением новых кочевнических орд с востока (скифов царских?). Это время войн и междоусобных столкновений, ответом на которые со стороны боспорских греков стало создание оборонительного союза во главе с Археанактидами.

3. 438/37 г. до н.э. – рубеж IV–III вв. до н.э. – период стабилизации в степях, «золотой век» эллинизма в Северном Причерноморье. В начале этого периода власть на Боспоре перешла к Спартокидам, которые вскоре создали самое большое в регионе государство. В его состав вошли как греческие колонии Боспора Киммерийского, так и некоторые местные варварские племена; формой правления в государстве стала наследственная монархия. Период отличают теснейшие, союзнические связи Боспорского государства с Великой Скифией.

4. Первая половина III в. до н.э. – время крушения Великой Скифии под ударами сарматов, продвинувшихся с востока в степи Подонья-Прикубанья. Период дестабилизации военно-политической обстановки в Северном

---

¹⁸ Представление о древней истории региона как о серии катастроф, при всей несхожести трактовок, в последнее время находит определенное понимание среди исследователей [Ткачук, 1997; Масленников, Миляева, 2005].

Причерноморье и, одновременно, переориентации политики Боспорского государства на союз с новыми владыками степей.

5. Вторая половина III – первая половина II вв. до н.э. – период относительной стабилизации в степях северного берега Понта, который особенно ярко проявился на Боспоре. В истории государства, как можно считать, тогда были продолжены и развиты тесные связи с местными племенами Прикубанья.

6. Середина II в. до н.э. – 107 г. до н.э. – новая дестабилизация в степях Северного Причерноморья, вызванная продвижением на запад кочевых племен роксоланов, языгов и др. Боспор, как и другие государства региона, оказался в ситуации острейшего политического и экономического кризиса, выходом из которого стала передача власти царю Понтийского государства Митридату VI Евпатору.

7. 107–63 гг. до н.э. – Боспор в составе Всепонтийской державы Митридата. Для владыки Понта в разразившейся тогда борьбе с Римом за гегемонию в Средиземноморье Боспор стал важнейшим стратегическим пунктом, через который, как представляется, осуществлялся его контроль над всем Северным Причерноморьем. Поражение понтийского царя и его гибель в Пантикапее стали теми событиями, которые как бы подвели итог более чем пятивековому развитию Боспора.

8. 63 г. до н.э. – первая половина I в. н.э. Этот период выделяется прогрессирующей стабилизацией обстановки в регионе, но на Боспоре он был ознаменован острой борьбой за царский престол.

9. Середина I – середина III вв. н.э. – новый расцвет Боспорского царства, на сей раз под контролем Римской империи. В начале этого периода в причерноморские степи продвинулись кочевники-аланы, но эта этническая переменная не привела к радикальной перемене военно-политической ситуации в Северном Причерноморье. Более того – пришельцы даже не сумели поставить под свой контроль весь этот регион. Район их обитания, в основном, был ограничен северо-восточным Приазовьем. Конец девятого этапа связан с вторжением в регион германских племен готов.

Остановимся на каждом из названных периодов более подробно.

*V.2. Греческая колонизация и ранняя история апойкий
Боспора Киммерийского (около 600-480/79 гг. до н.э.)*

К моменту появления древнегреческих переселенцев на берегах северного Понта, скифы уже были полноправными хозяевами степей, об их былой борьбе с киммерийцами [Herod. IV. 11-12] или о сражении с сыновьями слепых рабов, происшедшем, вероятнее всего в Восточном Крыму [Herod. IV. 3-4], напоминали лишь довольно смутные предания. Однако при освоении колонистами района Боспора кочевнический фактор, как представляется, сыграл весьма существенную роль.

Греческие переселенцы на стадии освоения берегов Керченского пролива, основании здесь нескольких апоекий установили достаточно тесные взаимоотношения с соседними местными племенами. Сейчас существуют веские основания считать, что греческое проникновение в Северо-Восточное Причерноморье и Приазовье началось ранее рубежа VII–VI вв. до н.э. Материалы из древнего поселения, расположенного около современного Таганрога и, как представляется, полностью разрушенного морем, позволяют считать, что оно было образовано в третьей четверти VII в. до н.э. [Копылов, Ларенок, 1994, с. 5; Копылов, 1999, с. 174-175; 2006, с. 85; см. также Мачинский, 1989а, с. 20]. Основное количество греческих поселений на берегах Керченского пролива возникло позднее, где-то в пределах первой-второй четвертей VI в. до н.э. [Кузнецов, 1991, с. 31-34; Koshelenko, Kuznetsov, 1998, p. 255]. Почему ранее этого срока колонисты оставляли район пролива без особенного внимания? Почему они не основали здесь ни единой апоекии в середине или во второй половине VII в. до н.э.? Возможно, это было связано с местной демографической ситуацией, но, несмотря на нее, позднее на сравнительно небольшой территории Боспора была основана целая серия сравнительно крупных греческих поселений, аналогий чему в других центрах греческой колонизации Северного Причерноморья просто не существует [см. Gajdukevič, 1971, S. 32-38, 170-255]. Среди них имелись апоекии или города-государства (Пантикапей, Нимфей, Гермонасса, Кепы, Синдская Гавань или Горгииппия), тогда как другие поселения, а их по письменным и археологическим источникам известно несколько дюжин, наиболее вероятно возникли в результате внутренней колонизации района, в их числе такие «малые» боспорские города, как Мирмекий, Тиритака, Порфмий и др. [Виноградов, 1993а, с. 86; 1999б, с. 104-105; 2005а, с. 222; но ср.: Молев, 1997, с. 9; Анохин. 1999. С. 6-10; Завойкин, 2001а, с. 22 сл.; Зубарь, Зинько, 2006, с. 15-16; Зинько, 2007, с. 38-39; Tsatskheladze, 1997, p. 44]. Весьма показательно, что ранние поселения европейского Боспора были довольно крупными образованиями, позднее трансформировавшиеся в города или небольшие городки.

Можно считать, что все отмеченные особенности освоения греками берегов Керченского пролива были связаны с демографическими факторами: относительной близостью к Боспору Предкавказской Скифии и периодически зимними передвижениями групп кочевых скифов через замерзший пролив [Негод. IV. 28]. Эти периодические передвижения, как представляется, были наиболее важным фактором демографической ситуации на Боспоре в это время. Вслед за В.Ф. Гайдукевичем (Гайдукевич, 1949, с. 33; Gajdukevič, 1971, S. 40) можно полагать, что зимние переправы скифов имели место во время сезонных перекочевок на зимние пастбища в Прикубанье [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с. 155-161; Виноградов, 2005а, с. 214-220]¹⁹. Такие передвижения,

---

¹⁹ Относительно небольшая площадь крымской степи, как представляется, не приспособлена для интенсивной круглогодичной эксплуатации выпасов кочевниками, она более пригодна для

несомненно, представляли для переселенцев немалую опасность, и, по всей видимости, греки поначалу просто пересекли пролив, не решившись основать в столь выгодном районе свои колонии. К непривычной обстановке необходимо было присмотреться из более отдаленного и менее опасного места. Однако и позднее, когда «на выгодном и опасном перекрестке» Боспора Киммерийского, как его назвал Д.А. Мачинский [1989б, с. 9], уже существовала целая серия греческих выселков, боспоряне не смогли создать вокруг своих городов системы сельскохозяйственных поселений подобной той, которая сложилась в Ольвийском регионе [Виноградов, 1993а, с. 88-89; 2005а, с. 223; о сельской округе Ольвии этого времени см.: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 12-95]. Небольшие деревни на пути варварских передвижений, разумеется, были слишком уязвимыми.

Некоторые исследователи указывают, что подобная система расселения была характерна только для Керченского полуострова, тогда как на Тамани во время археологических разведок зафиксировано немало сельских поселений, относящихся к времени архаики [Абрамов, Паромов, 1993, с. 71 сл.; ср.: Завойкин, Масленников, 2006; Зубарь, Зинько, 2006, с. 89-90; Saprykin, 2006, p. 275]. Такое положение, казалось бы, противоречит гипотезе о периодических передвижениях кочевников через этот район. Однако это не совсем так, поскольку на всех архаических поселениях Таманского полуострова, на которых проводились раскопки (таких, к сожалению, очень немного), получены убедительные данные, позволяющие судить об их временном, сезонном характере [Соловьев, Бутягин, 2002, с. 71; Виноградов, 2006б, с. 75; ср.: Горлов, 2007, с. 96]. К тому же, если следовать традиционному представлению, что Тамань в древности представляла дельту Кубани, состоящую из серии островов, то сами географические условия местности могли представлять для греков защиту от нападений кочевников, по крайней мере, на летний период, т.е. на время проведения полевых работ²⁰.

их сезонного использования [Баранов, 1990, с. 15]. Почти тридцать лет назад мы предполагали, что Геродот в своем рассказе описывал переправы скифов, направлявшихся из Поднепровья на зимние пастбища Прикубанья [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с. 155 сл.]. Сугубо гипотетически можно предложить и другую интерпретацию. Не исключено, что кочевые скифы совершали свои передвижения по кольцевому маршруту, т.е. вокруг Азовского моря, пересекая пролив в начале зимы. И.А. Баранов реконструирует такой маршрут кочевания для ранних тюрок; это, по его выражению, «Большое Кочевое кольцо» было разорвано хазарским вторжением [Баранов, 1990, с. 15]. Показательно, однако, что в районе Керченского пролива существовали «хазарские переправы», засвидетельствованные рассказом Ибн-ал-Биби [Якубовский, 1927/1928, с. 54].

²⁰ В подтверждение этого приведу некоторые исторические параллели. В арабских источниках имеются свидетельства об областях Мамукту (Мамкуту) и Бугаз-Кум, первую из которых обычно помещают на Северном Кавказе, а вторую – в низовьях Волги. В этих областях находились острова, жители которых, «сделав воду крепостной стеной», отказывались подчиниться Тимуру. Островитяне были покорены только зимой, когда вода была скована льдом [Тизенгаузен, 1941, с. 123, 184].

многих регионах, в том числе и в степях Евразии [Khazanov, 1984, p. 33]. Любопытное свидетельство, позволяющее лучше понять ситуацию, оставил И. Барбаро, с 1436 г. долгое время проживавший в Тане. Ему принадлежит описание татарской орды, переправившейся через Дон и продвигавшейся на запад мимо города. Это передвижение он наблюдал в течение всего светового дня, стоя на городской стене; ворота Таны при этом, естественно, были закрыты [Барбаро, 1971, с. 142-143].

В принципе такое соседство могло создавать немалые трудности для обеих сторон, как для кочевников, так и еще в большей степени для земледельцев. С одной стороны, оно таило в себе возможность возникновения взаимной вражды, конфликтов и т.д., но с другой, во избежание их, к заключению всякого рода договоров, соглашений и пр. В такой ситуации грекам необходимо было научиться договариваться с варварами, и они, как представляется, овладели этой наукой в совершенстве. По одной из версий, сохранившейся в древней письменной традиции, место для основания Пантикапея было получено от скифского царя [St. Byz. s.v. Παντικάπαιον].

Существуют веские основания считать, что, несмотря на соседство с номадами, боспорские колонии первоначально существовали в относительно мирной, благоприятной обстановке. Однако в середине VI в. до н.э. или немного ранее или чуть позднее на греческих поселениях фиксируются определенные негативные явления, вероятно связанные с ухудшением взаимоотношений с местными племенами. Это прежде всего демонстрируют слои крупномасштабных пожаров, открытые в Кехах, Мирмекии и Порфмии [Кузнецов, 1992, с. 32, 42; Вахтина, Виноградов, 2001, с. 41-45; Виноградов, 2005а, с. 224-224; 2008, с. 42 сл.; Vinogradov, 1999, p. 288-290]. Таганрогское поселение прекратило свое развитие приблизительно в это же самое время [Копылов, 1999, с. 174-175]. Необходимо подчеркнуть также, что в Мирмекии и Порфмии были обнаружены остатки ранних фортификационных систем, относящихся к второй половине VI в. до н.э. [Вахтина, Виноградов, 2001, с. 41-45; Виноградов, 2008, с. 42 сл.; Vinogradov, 1999, p. 290-293]. В настоящий момент они являются наиболее ранними оборонительными сооружениями, открытыми на древнегреческих памятниках северного берега Черного моря.

Результаты современного археологического изучения заставляют считать, что почти все греческие поселения первоначально имели довольно примитивный, полуварварский облик, поскольку были застроены заглубленными в землю жилыми и хозяйственными конструкциями (полуземлянками). Как представляется, стадия земляночного домостроительства заканчивалась через 70–80 лет после основания поселения. Лишь тогда все полуземлянки засыпались грунтом и на их месте возводились наземные здания с внутренними дворами, улицы с тротуарами и т.д. Создание урбанистической структуры следует трактовать как важный показатель завершения периода адаптации колонистов к местным непростым климатическим,

в 480/79 г. до н.э. боспорские полисы, как можно предполагать, объединились в оборонительный союз во главе с Археанактидами [Diod. XII. 31. 1]. Объединенными усилиями они смогли противостоять скифскому натиску.

Долгое время считалось, что для защиты от давления из степей при Археанактидах был возведен вал, отсекавший восточную часть Керченского полуострова, вошедший в научную литературу под названием Тиритакского [см.: Толстикова, 1984, с. 32 сл.], но современные исследования заставляют относиться к данной гипотезе с очень большой осторожностью²¹. Вне зависимости от этого, следует предполагать, что важным результатом успешного противостояния боспорян скифскому натиску стало прекращение регулярных передвижений кочевников через замерзший пролив [Виноградов, 2005а, с. 243, 245], которые, как представляется, были основным фактором демографической ситуации на Боспоре во время греческой колонизации.

Оборонительный союз Археанактидов вряд ли можно понимать как единое государство или даже державу. Греческие полисы в его структуре, скорее всего, сохранили свою автономию, на что может указывать факт монетной чеканки Фанагории и Нимфея, осуществлявшейся, правда, в более позднее время [Анохин, 1986, с. 14-16; 1999, с. 41, 44-46; Васильев, 1992, с. 123; Shelov, 1978, р. 11-32]. Немалое значение для понимания исторической ситуации имеют также курганы местной знати, которые приблизительно с середины V в. до н.э. стали возводиться около Нимфея, Пантикапея, Фанагории, Кеп и, вероятно, Гермонассы. Эти памятники имеют принципиальное значение для понимания специфики исторического развития Боспора, и Дж. Бордман не без основания писал, что научный интерес к боспорским колониям в немалой степени объясняется их близостью к богатейшим скифским курганам [Boardman, 1964, р. 263]. Следует подчеркнуть, что прочная традиция совершения такого рода погребений на Боспоре сложилась именно при Археанактидах [Виноградов, 2001б, с. 77-78; 2005а, с. 245-248]. Имеющиеся материалы, таким образом, дают основания предполагать, что внутри союза Археанактидов боспорские апойки сохранили определенную степень независимости [Виноградов, 2002, с. 191-192; 2005а, с. 259-260].

V.4. Ранние Спартокиды

В 438/37 г. до н.э. власть на Боспоре перешла от Археанактидов к Спартоку [Diod. XII. 31.1]. Приблизительно в то же самое время в Северном Причерноморье наступил период относительной стабилизации военно-политической ситуации, приведшей впоследствии к «золотому веку» Великой Скифии

---

²¹ А.А. Масленников, много сделавший для изучения боспорских валов, считает, что на месте Тиритакского вала существовали три разновременных сооружения, самое раннее из которых можно датировать лишь первой половиной IV в. до н.э. [Масленников, 2003, с. 188-189]. Признавая

1985, с. 109-122], но эта точка зрения не нашла особой поддержки среди исследователей [Шелов-Коведяев, 1985а, с. 182 сл., 186; 1985б, с. 320; Завойкин, 2001б, с. 150 сл.; Сапрыкин, 2003, с. 28].

Новой структуре государства соответствовала новая топография размещения погребений местной аристократии. На сей раз могильные насыпи были сгруппированы около двух столиц Боспора, Пантикапея и Фанагории, первая из этих групп более многочисленна и показательна: Куль-Оба, курган Патиниоти, курган Кекуватского и др. [Виноградов, 2005а, с. 268-274]. Эти памятники, как представляется, демонстрируют направление главных политических и культурных связей государства, которые вели тогда в степи Северного Причерноморья, демонстрируя наличие очень близких, союзнических отношений между Скифией и Боспором [Шелов-Коведяев, 1985а, с. 156; Яковенко, 1985, с. 28; 1986, с. 43 сл.; Виноградов, 2005а, с. 275; ср.: Гайдукевич, 1955, с. 122]. Этот союз, однако, мог существовать лишь до тех пор, пока ситуация в регионе оставалась относительно стабильной, точнее, пока Скифия могла сдерживать развитие негативных тенденций в степи.

К концу IV в. до н.э. Великая Скифия постепенно вступила в период кризиса, политического и военного ослабления. В этом отношении, хронологический отрезок, на котором было возведено большинство скифских «царских» курганов – вторая половина IV в. до н.э. – может быть назван «золотой осенью» Скифии [Mačenko, Vinogradov, 1989, p. 811]. Весьма показательна, что приблизительно тогда же на Боспоре ситуация тоже стала меняться к худшему. Из речи Демосфена мы знаем о войне царя Перисада I против каких-то скифов, что привело к серьезным затруднениям для афинских торговцев [Dem. XXXIV. 8]. Эти торговые затруднения, однако, были всего лишь симптомом будущих потрясений. Следует обратить внимание также, что на поселениях хоры Нимфея фиксируются разрушения конца третьей – начала последней четверти IV в. до н.э., которые обычно объясняются войной Перисада I со скифами [Зинько, 2005а, с. 112; 2007, с. 115], но этот вопрос требует дополнительных исследований.

Конфликт между сыновьями Перисада в 310/09 г. до н.э. [Diod. XX. 22-24], вероятнее всего, следует рассматривать не как простую междоусобицу или маленькую гражданскую войну [Rostovtzeff, 1930, p. 577]. Борьба братьев из-за боспорского престола произошла во время развития в регионе другой, значительно более масштабной борьбы двух этно-политических группировок – скифов и сарматов. Последние, как можно предполагать, к тому времени уже продвинулись к восточным рубежам Скифии. Представляется вполне естественным, что Сатир II и Притан были поддержаны скифами, традиционными союзниками Боспора, тогда как мятежному Евмелу оказали активное содействие, скорее всего сарматы–сираки [см.: Десятчиков, 1977, с. 46; Виноградов, 2003, с. 77-92; 2005а, с. 277-281; Rostovtzeff, 1922, p. 145; 1930, p. 577; Sulimirski, 1970, p. 95]. Судьба распорядилась так, что именно Евмел оказался победителем в этой войне.

и Боспор, приблизительно в конце первой трети III в. до н.э. потеряли поселения хоры, всегда наиболее уязвимые при вражеских нападениях [Щеглов, 1985, с. 192; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 100; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 362; Марченко, 1999, с. 168; Рогов, 2005, с. 196; Масленников, 1997, с. 63-65; Виноградов, 2005а, с. 283; Okhotnikov, 2001, p. 115]. Наиболее впечатляющие картины гибели боспорских поселений, ставшей результатом агрессии со стороны варваров, открыты при раскопках в Восточном Крыму [Зинько, 1996, с. 16; 2007, с. 166, 169; Масленников, 1997, с. 63, 65; 1998а, с. 88; Виноградов, 2005а, с. 283-284; Maslennikov, 2005, p. 164; Saprykin, 2006, p. 280]. В городских центрах в это время началось активное строительство оборонительных сооружений [Tolstikov, 1986, p. 171; Виноградов, 2005а, с. 283-284]. Вряд ли можно со стопроцентной уверенностью утверждать, кто конкретно был виновен в обозначенной военной катастрофе, но все-таки есть основания предполагать, что это были остатки скифов, оттесненных в Крым из степей Северного Причерноморья и вынужденных поэтому отвоевывать для себя здесь жизненное пространство [Гайдукевич, 1959, с. 277; Демьянчук, Туровский, 1999, с. 92; Виноградов, 2005а, с. 289-290; Зубарь, Зинько, 2006, с. 96; Rostovtzeff, 1930, p. 57]. Монетный кризис, связанный с кризисом понтийского хлебного экспорта в Средиземноморье и прямившийся во всех греческих государствах региона, стал важным следствием этнических и военно-политических перемен, которые имели место в это время [Щеглов, 1989, с. 56-58; Виноградов, 2005а, с. 289-290; Shelov, 1978, p. 89-94].

Если рассуждать сугубо теоретически, то можно предположить, что в азиатской части Боспора, территориально расположенной ближе к районам, занятым сарматами, историческая ситуация должна была складываться не менее драматично, нежели в европейской. В результате происшедших перемен владыки Боспора, как представляется, потеряли власть над некоторыми из меотских племен, подчиненных им ранее. Вместе с тем, реальных свидетельств военных катастроф этого времени здесь почти не зафиксировано [Виноградов, 2005а, с. 285-287]. Правда, на Семибратнем городище был обнаружен слой пожара, относящийся к рассматриваемому периоду [Анфимов, 1951а, с. 242; 1958, с. 52], но, даже если его связывать с сарматским нападением, то все равно приходится признать, что вскоре взаимоотношения с пришельцами нормализовались. В связи с этим следует напомнить, что в междоусобице сыновей Перисада за боспорский престол победу одержал Евмел, поддержанный сираками. Почти нет сомнения, что он сохранил хорошие отношения со своими союзниками по трудной борьбе. Неудивительно поэтому, что Елизаветинское городище на Средней Кубани еще в конце IV в. до н.э. стало важным центром боспорского влияния в этом регионе [Анфимов, 1966, с. 161; 1967, с. 130].

Важная особенность рассматриваемого этапа заключается также в том, что начиная с этого времени погребения местной аристократии стали производиться только на азиатском Боспоре. На территории Восточного Крыма

самый поздний курган этого типа датируется приблизительно концом IV в. до н.э. Это курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун под Керчью в 1875 г., который демонстрирует явные меото-сарматские особенности в погребальном обряде и инвентаре [Виноградов, 1993б, с. 38-51; 2005а, с. 290-294].

Весьма любопытная ситуация проявляется в это время в низовьях Дона, то есть практически на пути сарматских походов на запад. Как показали археологические раскопки на Елизаветовском городище, в самом начале III в. до н.э. здесь была основана боспорская колония. Она не просуществовала долго и была сожжена в 280–270-х гг. до н.э., возможно, в результате нападения сарматов [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 70-71, 252-261]. Однако почти одновременно с этим событием был основан Танаис [Шелов, 1970, с. 23; 1989, с. 47], ставший вскоре важнейшим центром боспорского влияния в районе Подонья [Strab. VII. 4.5].

V.6. Новое возрождение Боспора

В соответствии с концепцией М.И. Ростовцева, вторую половину III – первую половину II вв. до н.э. в истории Боспорского царства можно назвать периодом культурного ренессанса [Rostovtzeff, 1930, p. 581; 1932, p. 227]. Этот культурный и, надо признать, экономический ренессанс в очередной раз был связан с периодом относительной стабилизации в степях Северного Причерноморья, более очевидной в восточной части региона, нежели в западной [Марченко, 1996, с. 70-80; Виноградов, 1999а, с. 56-82]. Есть веские основания считать, что государство в это время окрепло, власть боспорских царей над меотами была восстановлена [КБН. 25; Сапрыкин, 1996, с. 222].

В высшей степени показательным, что на Боспоре отчетливо прослеживаются признаки возрождения жизни на сельских территориях [Кругликова, 1975, с. 95-96; Масленников, 1998а, с. 89; Зинько, 2007, с. 169]. На Таманском полуострове (поселение Артюшенко I) открыты даже остатки железодельной мастерской, функционировавшей во второй половине III – первой половине II вв. до н.э. [Виноградов, 2001г, с. 19-20; Vinogradov, Lebedeva, 2005, p. 316-317]. Как уже неоднократно говорилось выше, появление большого количества сельских поселений обычно хорошо увязывается с улучшением военно-политической ситуации в регионе. На сей раз на некоторых из них, расположенных в Восточном Крыму, были открыты фортификационные сооружения [Масленников, 1998а, с. 208-209, 211-216; Maslennikov, 2005, p. 165], что заставляет полагать, что улучшение ситуации в это время было весьма относительным.

Есть основания считать, что на данном этапе относительной стабилизации военно-политической обстановки в регионе во второй половине III – первой половине II вв. до н.э. из Северного Причерноморья и, прежде всего, с Боспора достаточно регулярно осуществлялся экспорт зерна в Средиземноморье, хотя, разумеется, он не мог достичь масштабов IV в. до н.э. Об этом,

прежде всего, свидетельствует надпись Каллимаха, сына Каллимаха [МИС, с. 243-244, № 5], поставленная в Афинах вскоре после 176/75 г. до н.э. В ней говорится о некоем купце (может быть, была даже группа таких купцов), поставлявшем оливковое масло в обмен на зерно, вероятнее всего, в города Северного Причерноморья. Не удивительно в связи с этим, что финансовая система Боспорского государства постепенно вышла из кризиса. Важные финансовые перемены, как известно, были связаны с реформой Левкона II [Shelov, 1978, p. 133-138; Анохин, 1986, с. 56-58].

В азиатской части Боспора в это время сооружались довольно богатые курганы местной варварской аристократии: комплексы Васюриной горы [Ростовцев, 1914б, с. 43 сл., 53 сл.; Власова, 2004а], Буерова Могила [ОАК, 1870-1871, с. IX сл., XXXI сл.; Ростовцев, 1925, с. 550], Мерджаны и др. [Виноградов, 1998; 1999а, с. 61-63]²². Складывается впечатление, что на этом этапе боспорские правители сохранили и развили близкие, союзнические отношения с местными племенами Подонья и Прикубанья.

V.7. Боспор и новая волна сарматских миграций

Приблизительно в середине II в. до н.э. относительно стабильная ситуация в степях Северного Причерноморья была нарушена, из-за Дона на запад стали продвигаться новые племена кочевников [Виноградов, 2007а]. Глубина кризиса, охватившего вследствие этого Северное Причерноморье, как представляется, была прямым результатом того, что в регионе тогда последовательно появилось сразу несколько кочевых этносов. Такое положение, разумеется, никак не способствовало развитию надежного базиса для сложения стабильных варварских этно-политических образований [Ростовцев, 1914а, с. 199; Rostovtzeff, 1922, p. 115]. В соответствии с текстом Страбона [Strab. VII .3.17], эта вторая волна сарматских миграций может быть связана с роксоланами, язгыгами и, возможно, ургами. Вероятно, она включала также сарматов «царских», которые, как говорилось выше, ранее обитали в степях Подонья, Страбон же зафиксировал их уже на правом берегу Днепра [Виноградов, 2004а, с. 21-22, 25]. Другую группу, которую следует связывать с этой волной, составляли сатархи. Плиний сообщал, что они перешли Дон [Plin. NH VI. 22], а одна из надписей второй половины II в. до н.э. (IOSPE. I². 672) фиксирует их уже в районе Крыма [Десятчиков, 1973, с. 131-144]. Аспургиане появились на

---

²² Традиционно в список курганов рассматриваемого времени включается Малая Близница. М.И. Ростовцев даже считал, что в нем нет ни единой находки ранее конца III в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 375; Rostowzew, 1931, S. 333]. Специальное изучение памятника показало, что курган относится к IV в. до н.э., может быть, даже к его середине [Виноградов, 2004б, с. 89-111], так что из списка показательных памятников второй половины III – первой половины II вв. до н.э. его необходимо исключить.

что местные племена, прежде всего скифы и ахейцы, не смирились с потерей своего влияния на Боспоре. Именно в этом ключе, как представляется, следует трактовать скифское восстание во главе с Савмаком (107 г. до н.э.), до сих пор занимающее столь знаменитое место в отечественной историографии [см.: Жебелев, 1933; 1953, с. 82 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 296 сл., 536-538; Виноградов Ю.Г., 1987, с. 79-80, 86; Gajdukevič, 1971, S. 303-310; Vinogradov, 1997, S. 549-556]. Это варварское выступление, как известно, было подавлено понтийским полководцем Диофантом [IOSPE. P. 352], тогда как Неоптолем, другой полководец Митридата, одержал две победы над варварами на Боспоре Киммерийском – одну в морском сражении, а другую в конном, происшедшем зимой, когда воды пролива были скованы льдом [Strab. II. 1.16; VII. 3.18]. Очень вероятно, что этими варварами были ахейцы и другие пиратствующие племена Северо-Западного Кавказа [Виноградов, 2001в, с. 65-69].

В Понтийском государстве Митридата Боспор занимал очень важное место как пункт поставок для армии местных военных формирований, а также для снабжения продовольствием, амуницией и пр. [Rostovtzeff, 1932, p. 232; Gajdukevič, 1971, S. 318; Молев, 1976, с. 56-69; 1995, с. 45-46; Сапрыкин, 1996, с. 151; Зубарь, Зинько, 2006, с. 133 сл.; Зинько, 2007, с. 181 сл.]. Владыка Понта сделал многое для подготовки своих боспорских владений к войне с Римом, возводя здесь укрепления и создавая фонд царских земель. С.Ю. Сапрыкин в связи с этим считает, что именно в 80-60-х гг. до н.э. на Боспоре зарождается эллинистическая государственность [Сапрыкин, 2003, с. 30].

Митридадовы войны, разразившиеся между Понтом и Римом за гегемонию в Средиземноморье, имели для Боспора весьма негативные последствия. Уже после Первой войны Боспор отпал от царя [App. Mithr. 64], вероятнее всего, по вине варваров, а не греков [Шелов, 1978, с. 56-58; 1983, с. 53]. Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют предполагать, что это были те же самые варвары (скифы и ахейцы), которые и ранее боролись с Митридатом, стремясь сохранить свое влияние на Боспоре [Виноградов, 2001в, с. 67; 2005б, с. 201]. Бытующее представление, что именно скифы были наиболее важным элементом в северопричерноморской политике Митридата, что они были его основной опорой и т.п., представляется сильно преувеличенным. Наиболее надежными союзниками владыки Понта были мето-сарматские племена Прикубанья, сарматы, бастарны и некоторые другие [Яйленко, 1990, с. 130; Виноградов, 2005б, с. 204; ср.: Olbrycht, 2004, S. 331 ff.].

Поражение Митридата в последней войне против Рима привело к его бегству на Боспор, ставший центром подготовки задуманного им Итальянского похода [App. Mithr. 101]. Бремя предыдущих неудачных войн и приготовлений к новой, а также хорошо продуманные действия римлян закономерно привели к ситуации, в которой греческие города и даже царская армия подняли восстание против него [App. Mithr. 110-111]. Любопытно, однако, что местные формирования из племенного мира Северного Причерноморья, как

Боспора, несмотря на свое родство и тесные связи с аристократией местных племен, возглавляли государство, остававшееся в своей основе античным, греко-варварским [Гайдукевич, 1955, с. 130, прим. 3; ср.: Яйленко, 1990, с. 163; Сапрыкин, 2002, с. 138-139].

Во второй половине I в. до н.э. на территории нынешнего Фанталовского полуострова была построена оборонительная система, состоявшая из мощных 12 крепостей. Н.И. Сокольский связывал это строительство с деятельностью боспорского царя Асандра [Сокольский, 1976, с. 107], который, по сообщению Страбона, отгородил стеною «перешеек Херсонеса у Меотиды» (Strab. VII. 4. 6). С Н.И. Сокольским в этом вполне можно согласиться [Толстиков, 1992б, с. 50; см. также: Гарбузов, 2003; Паромов, 2003], но возведение оборонительной системы не ограничивалось Фанталовским полуостровом, укрепления возводились и в других частях азиатского Боспора [Рогов, 1999, с. 153].

Несмотря на эти продолжительные раздоры, Боспор постепенно выходил из кризиса, что отчетливо проявилось уже в правление Асандра и Аспурга. Междоусобные войны данного периода весьма показательны по той причине, что еще раз наглядно демонстрируют одну чрезвычайно важную особенность боспорской истории, – эти междоусобицы, несмотря на все связанные с ними драматические коллизии, как и внутренние войны, имевшие место на Боспоре в предшествующие времена, не стали причиной системного кризиса в государстве. Еще раз следует подчеркнуть, что такой кризис мог быть вызван только глобальной дестабилизацией военно-политической обстановки в степях Северного Причерноморья. На данном этапе крупных варварских передвижений в регионе, как представляется, не было, и военно-политическая обстановка здесь, в целом, оставалась стабильной.

V.10. Последний расцвет Боспорского государства

Период с середины I в. по середину III в. н.э. в истории Боспорского царства, в целом, можно назвать вполне стабильным. Любопытно, но в середине I в. н.э. в степях произошла очередная демографическая перемена, связанная с появлением аланов [Кулаковский, 1899, с. 9-11; Мачинский, 1974, с. 132; Яценко, 1993; Щукин, 1994, с. 209; Габуев, 1996, с. 7 сл.]²⁴. Эти воинственные номады, пришедшие, как представляется, из областей, прилегающих к Аральскому морю, расселились на нижнем Дону. Необходимо подчеркнуть, что на сей раз проникновение нового кочевнического этноса в степи северного берега Понта не стало причиной заметной дестабилизации военно-политической обстановки в регионе. Нет сомнения, что аланы совершали походы на территории весьма отдаленные от их кочевий, но эти походы

²⁴ Об аланах см. также: Абрамова, 1978; 1992; Безуглов, 1990; Казанский, 1994; Симоненко, 2001а; Ковалевская, 2005, с. 72 сл.

элемента в культуре и истории Боспора недопустима абсолютизация; «сплошной сарматизации» здесь, естественно, никогда не было [Масленников, 1990, с. 14]. Варваризация античной культуры, характерная для всех окраин греко-римского мира этого времени, на Боспоре была связана с сильным импульсом, исходящим с востока, из районов расселения меото-сарматских племен.

Анализ письменных и эпиграфических источников, разнообразных археологических материалов показывает, что варварское окружение и контакты с Римом играли важную роль в историческом развитии Боспора этого времени. Вся эта система была разрушена в результате вторжения в степи северного берега Понта германских племен готов. Боспор, как известно, стал базой для их морских походов по Черному и Средиземному морям [Гайдукевич, 1949, с. 439 сл.; Хайрединова, 1994, с. 523; Болгов, 1996, с. 26-43; Казанский, 1999, с. 277 сл.; Щукин, 2005, с. 448-451; Зинько А., 2008; Gajdukevič. 1971, S. 459 ff.; ср. Зубарь, Зинько, 2006, с. 159-160]. М.И. Ростовцев считал середину III в. н.э. концом греко-иранского периода в истории юга России [Ростовцев, 1918, с. 165, 179; Rostovtzeff, 1922, p. 170]. В отношении Боспора этот исторический рубеж представляется возможным признать как завершение эллинского периода развития, поскольку тогда царская династия, восходящая к Митридату, была заменена чисто варварскими правителями, и все государство, как представляется, стало более варварским во всех сферах жизни [Сапрыкин, 2003, с. 34; ср.: Зубарь, Зинько, 2006, с. 214 сл.].

Заключение

Завершая очерк истории взаимоотношений Боспора со степным миром, необходимо хотя бы кратко сказать о ситуации во время вторжения в Северное Причерноморье гуннов. Эти кочевники, тесня аланов, начали свое продвижение на запад в 70-х гг. IV в. н.э. [Васильев, 1921, с. 289; Бернштам, 1951, с. 143; Артамонов. 2002². С. 68; Засецкая, 1994, с. 5, 132]. Об их взаимоотношениях с античными государствами региона нам известно очень немного. Тем не менее, в отношении Боспора в советской литературе господствовала сугубо отрицательная оценка данного исторического явления [см.: Гайдукевич, 1949, с. 479 сл.; Бернштам, 1951, с. 144; Якобсон, 1958, с. 459; Кругликова, 1966, с. 23-24; Сокольский, 1968, с. 251 сл.]. Археологические исследования последних лет позволяют изменить эту точку зрения и предполагать, что разгрома боспорских городов, связанного с появлением новых номадов, не было [Болгов, 1996, с. 45-46; Казанский, 1999, с. 284; Яйленко, 2002, с. 323 сл.], в Пантикапее в конце IV–V вв. функционировали некрополи, в которых представлены весьма богатые захоронения [Амброс, 1971, с. 103; Засецкая, 1979, с. 14-15; 1990, с. 102], эпиграфические памятники позволяют уверенно судить о стабильном существовании боспорской монархии вплоть до конца V в. [Виноградов Ю.Г., 1998, с. 245-246].

до-меотском преобладании на Боспоре [см.: Блаватский, 1959, с. 15, 18, 47; Артамонов, 1974, с. 120 сл.; Масленников, 1981, с. 12], и последователи традиционной скифской концепции [см.: Жебелев, 1953, с. 117; Гайдукевич, 1949, с. 5, 70 сл.; 1959; Яковенко, 1985], на мой взгляд, недооценивают этого исторического динамизма. В общетеоретическом плане гораздо более перспективной представляется подход Т.В. Блаватской, которая в истории Боспора выделяла периоды синдского, скифского и сарматского преобладания [Блаватская, 1959, с. 97 сл., 111, 131].

Эта изменчивость в немалой степени определялась положением, которое складывалось в степях Северного Причерноморья. Кардинальные перемены демографической и военно-политической ситуации, связанные с продвижениями из глубин Азии на запад новых кочевнических этносов, накладывали отпечаток на исторические судьбы не только мира номадов, но и всех пограничных со степью народов и государств. В этом плане деление истории Боспора VI в. до н.э. – III в. н.э. на предложенные девять основных периодов представляется вполне допустимым.

Все отмеченные выше пики и падения, все стадии периодического движения вверх и вниз иллюстрируют основополагающий факт тесной связи истории этого государства с военно-политической ситуацией (ситуациями) в степях Северного Причерноморья. Этот динамический процесс может быть описан словами Ю.В. Готье, высказанными им более 80 лет назад. Исследователь считал, что взаимодействия греческого (городского) и местного (степного) элементов были неравномерными, так сказать, пульсирующими; порой владения властителей Боспора простирались очень далеко, знаменуя собой периоды расцвета государства, но в закономерно наступавшие периоды ослабления и упадка «степь освобождалась от преобладания боспорских городов и переходила в наступление, доводила свое варварское влияние почти до самых ворот Пантикапея» [Готье, 1925, с. 187]. Ю.В. Готье, на мой взгляд, смог выразить идею, представляющую большое значение для современной науки.

Вместе с тем, обозначенные выше девять этапов, несмотря на их явное различие, демонстрируют одно в высшей степени важное обстоятельство. Оно связано с тем, что Боспор всегда стремился, если использовать образное выражение китайских источников, «не утратить варваров», «удержать их на привязи» (см. главу 2, 1). Такая «потеря», особенно во взаимоотношениях с кочевниками, грозила государству очень большими бедами. Имеющиеся материалы в ряде случаев позволяют судить о достаточно серьезных изменениях в боспорской политике по отношению к местным племенам, особенно после радикальных демографических и военно-политических перемен в степях, которые в известном смысле позволяли правителям Боспора спасти ситуацию, уменьшить неизбежные потери, наладить конструктивные отношения с господствующим кочевым этносом.

Ю.А. Виноградов

МІГРАЦІЇ КОЧІВНИКІВ ЄВРАЗІЇ ТА ДЕЯКІ ОСОБЛИВОСТІ ІСТОРИЧНОГО РОЗВИТКУ БОСПОРА КІММЕРІЙСЬКОГО

Резюме

Північне Причорномор'я в античній ойкумені займає особливе місце. Грекі-колоністи зіткнулися тут не тільки з осілими варварськими племенами, але і з кочівниками. Боспор Кімерійський є самим східним центром грецької культури у регіоні, першим розташованим на шляху усіх міграцій кочівників з глибин Азії на захід. Взаємодії з світом степів тут завжди відрізнялися особливою інтенсивністю.

Глава I присвячена питанням відношення греків до інших (варварських) народів. Уявлення, пов'язані з ідеалізацією варварів, також як і їх демонізацією, в світі колоній навряд чи мали велике поширення. Реалії життя на краю ойкумени вимагали більш виважених оцінок.

Глава II має назву «Феноменальність Євразійських степів». У відношенні античного Північного Причорномор'я М.І. Ростовцев звернув увагу, що періоди процвітання тут змінювались кризами. Ці процеси протікали синхронно у грецьких державах та в степному світі. Т. Барфілд (Barfield T.J.) показав, що така ж сама закономірність виявлялась у східній частині степів Євразії, у взаємовідношеннях Китаю з гунами. Кочеві імперії виникали тут лише тоді, коли Китай був процвітаючою державою.

В главі III розглянуті проблеми, пов'язані з вивченням міграції кочівників. Ці міграції в історії Північного Причорномор'я відбувалися з періодичністю в 200-300 років. Їх початковий період, за звичай, був пов'язаний з завоюваннями. Тоді дестабілізація воєнно-політичної обставини охоплювала не тільки степові області, але й сусідні з ними райони. Стабілізація наступала приблизно через 25-30 років після появи прибульців. Як приклад міграції кочівників розглядаються монголо-татарські завоювання у Європі. Археологічні джерела, за звичай, не дають відповіді на питання, пов'язані з визначенням району, з якого проходила міграція. У процесі етнічних переміщень матеріальна культура значно трансформувалась.

Глава IV присвячена питанням взаємодії номадів з осілими народами. Ці питання розглянуті як в період війни, так і миру.

В главі V змальована історія Боспору Кімерійського у контексті динамічної історії степів Євразії. В неї періодично змінюються періоди процвітання та кризи. Останні синхронізуються з утручанням до Північного Причорномор'я нових хвиль кочівників. В зв'язку з цим історія Боспору розподілена на 9 основних періодів:

1. Грецька колонізація і рання історія апоїкції Боспору Кімерійського (600 - 480 рр. до н.е.)
2. Виникнення «нових» номадів, правління Археанактидів (480/79 - 438/37 рр. до н.е.)
3. Стабілізація умов у Північному Причорномор'ї, ранні Спартокіди (438/37 – мережа IV-III ст. до н.е.)
4. Боспор та падіння Великої Скіфії (перша половина III ст. до н.е.)
5. Відносна стабілізація ситуації в степах та нове відродження Боспору (друга половина III – перша половина II ст. до н.е.)
6. Боспор та нова хвиля сарматських міграцій (середина II ст. – 107 р. до н.е.)
7. Боспор під владою Мітрідата (107 – 63 рр. до н.е.)
8. Боротьба за владу над державою (63 р. до н.е. – середина I ст. н.е.)
9. Останній розквіт Боспорської держави (середина I – середина III ст. н.е.)

Ю.А.Виноградов

МИГРАЦИИ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Резюме

Северное Причерноморье в античной ойкумене занимает особое место. Греки-колонисты столкнулись здесь не только с оседлыми варварскими племенами, но и с кочевниками. Боспор Киммерийский являлся самым восточным центром греческой культуры в регионе, первым лежавшим на пути всех миграций кочевников из глубин Азии на запад. Взаимодействия с миром степей здесь всегда отличались особой интенсивностью.

Глава I посвящена вопросам отношения греков к другим (варварским) народам. Представления, связанные с идеализацией варваров, также как и их демонизацией, в мире колоний вряд ли имели большое распространение. Реалии жизни на краю ойкумены требовали более взвешенных оценок.

Глава II названа «Феноменальность Евразийских степей». В отношении античного Северного Причерноморья М.И. Ростовцев обратил внимание, что периоды процветания здесь сменялись кризисами. Эти процессы протекали синхронно в греческих государствах и в степном мире. Т.Барфилд (Barfield T.J.) показал, что такая же закономерность проявлялась в восточной части степей Евразии, во взаимоотношениях Китая с гуннами. Кочевые империи возникали здесь лишь тогда, когда Китай был процветающим государством.

В главе III рассмотрены проблемы, связанные с изучением миграций кочевников. Эти миграции в истории Северного Причерноморья происходили с периодичностью в 200-300 лет. Их начальный период, как правило, был связан с завоеванием. Тогда дестабилизация военно-политической обстановки охватывала не только степные области, но и соседствующие с ними районы. Стабилизация наступала приблизительно через 25-30 лет после появления пришельцев. Как пример миграции кочевников рассматриваются татаро-монгольские завоевания в Европе. Археологические источники, как правило, не дают ответа на вопросы, связанные с определением района, из которого происходила миграция. В процессе этнических передвижений материальная культура значительно трансформировалась.

Глава IV посвящена вопросам взаимодействия номадов с оседлыми народами. Эти вопросы рассмотрены как в периоды войны, так и мира.

В главе V обрисована история Боспора Киммерийского в контексте динамичной истории степей Евразии. В ней периодически сменяются периоды процветания и кризисы. Последние синхронизируются с вторжениями в Северное Причерноморье новых кочевнических волн. В связи с этим история Боспора разделена на 9 основных периодов:

1. Греческая колонизация и ранняя история апойкий Боспора Киммерийского (600-480/79 гг. до н.э.)
2. Появление «новых» номадов, правление Археанактидов (480/79 – 438/37 гг. до н.э.)
3. Стабилизация обстановки в Северном Причерноморье, ранние Спартокиды (438/37 г. – рубеж IV–III вв. до н.э.)
4. Боспор и падение Великой Скифии (первая половина III в. до н.э.)
5. Относительная стабилизация ситуации в степях и новое возрождение Боспора (вторая половина III – первая половина II вв. до н.э.)
6. Боспор и новая волна сарматских миграций (середина II в. – 107 г. до н.э.)
7. Боспор под властью Митридата (107 – 63 гг. до н.э.)
8. Борьба за власть над государством (63 г. до н.э. – середина I в. н.э.)
9. Последний расцвет Боспорского государства (середина I – середина III вв. н.э.).

MIGRATIONS OF NOMADS IN EURASIA AND SOME PECULIAR FEATURES IN THE
HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE CIMMERIAN BOSPORUS

Summary

The North Pontic region occupies a specific place in ancient oikumene. Greek colonists met not only barbarian tribes that had settled there but nomads as well. The Cimmerian Bosphorus was the farthest centre of Greek culture in the region, which was the first one lying on the way of all migrations of the nomads from the heart of Asia to the west. Interrelations with the steppe world were always intensive there.

Chapter 1 is devoted to the question of attitude of Greeks to other (barbaric) peoples. Ideas connected with both idealizations of barbarians and demonization of them, were hardly widely spread. Realities of life on the borderline of oikumene demanded more serious evaluations.

Chapter 2 is called «Phenomenon of Eurasian steppes». M.I. Rostovtsev paid attention that periods of prosperity in ancient North Pontic region were followed by crises. Those processes proceeded simultaneously in Greek states and in steppe world. T.J. Barfield showed that such regularity could be seen in interrelations of China and the Huns in the eastern part of steppes in Eurasia. Nomadic empires appeared there only when China was a flourishing state.

The problems connected with studying of the migrations of nomads have been observed in Chapter 3. Those migrations happened in the history of the North Pontic region with periodicity of two or three hundred years. Their initial periods were, as a rule, connected with conquering. Destabilization of military and political situation covered not only steppe regions but neighboring ones. Stabilization followed approximately in twenty five – thirty years after occupants had come. The Tatar – Mongol invasions in Europe are the examples of nomadic migrations. As a rule, archaeological resources do not answer the questions connected with determination of the region, which was the starting point of the migration. Material culture was being transformed during the process of ethnic migrations.

Chapter 4 is devoted to the question of relations between nomads and settled peoples. These questions have been observed both in the periods of war and peace.

The history of the Cimmerian Bosphorus in the context of dynamic history of Eurasian steppes has been depicted in Chapter 5. Periods of prosperity and crises replaced each other at regular intervals. The crises are synchronized with new nomadic waves, which invaded the North Pontic region. In connection with this fact the history of the Bosphorus is divided into nine main periods:

1. Greek colonization and early history of apoikias of the Cimmerian Bosphorus (600-480/79 BC)
2. Appearance of «new» nomads, government of the Archaiktídai (480/79 – 438/37 BC)
3. Stabilization of situation in the North Pontic region, the early Spartokídai (438/37 – borderline of the 4th and the 3rd cc. BC)
4. The Bosphorus and collapse of Great Scythia (the first half of the 3rd century BC)
5. Relative stabilization of the situation in steppes and a new renaissance of the Bosphorus (the second half of the 3rd century – the first half of the 2nd century BC)
6. The Bosphorus and a new wave of migrations of Sarmatians (the middle of the 2nd century – 107 BC)
7. The Bosphorus under the government of Mithridates (107-63 BC)
8. Struggle for power in the state (63 BC – the middle of the 1st century AD)
9. The last golden age of the Bosphorus state (the middle of the 1st century – the middle of the 3rd century AD).